

Борис Попов

Неприятнейшая
неожиданность

18+

Борис Владимирович Попов

Неприятнейшая неожиданность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33573897

SelfPub; 2018

Аннотация

Врач из 21 века попадает в средневековый Новгород и неплохо там устраивается. А к Земле уже летит громадный метеорит, и надо спасать цивилизацию. Черные волхвы встают против героя стеной. Один не осилишь, придется сколачивать команду. А значит – вперед, с шутками и прибаутками!

Глава 1

– Святой отец, ты главное на рожон со своей рогатиной не лезь. Молитвой зверя надо попытаться прибить, или хоть отогнать куда подальше от наших мест.

– Владимир, молитвой убить никого нельзя. Да и не могу я убивать даже ради спасения собственной жизни – не такой я человек. Гонять каркодила по Руси бесполезно – отойдет до соседней деревни и будет там селян поедать. Я попытаюсь гада этого своей рогатиной задержать.

– И долго ты его держать хочешь? Пока от голода не помрет, или от старости не издохнет?

– Его можно связать, да в княжеский зверинец пристроить. А убивать, это не по мне.

– А кто ж его будет вязать?

– Может ты, может охотники тамошние.

Все эти церковные идеи святого 11 века, меня не обрадовали. Попробовал зайти с другой стороны.

– Но бесов же ты изгоняешь!

– Бывает, – скромно согласился протоиерей Николай, настоятель Софийского собора Великого Новгорода. – Но бес, он злой дух, и за него я перед Господом ответственности не несу.

Дальше до деревни, где свирепствовал неведомый мне зверь, ехали молча. Вспоминалось, что было перед этим.

Я проснулся, как обычно, когда мне не нужно куда-то экс-

тренно бежать – часов в девять утра. Рядом посапывала любимейшая молодая жена. Недавно мы обвенчались. Сейчас у нас был медовый месяц. На мою занятость (кручусь, как белка в колесе), это, впрочем, никак не повлияло.

Свадебное путешествие тоже не задалось, езжу по делам по древнерусскому Новгороду и в его окрестностях.

Меня перед этой женитьбой неожиданно и без видимых причин перекинуло из 21 века в 11. В далеком будущем я был врачом травматологом. Здесь пришлось менять профиль деятельности. Начал с приказчиков в Костроме.

Гонимый угрозой убийства, убежал в Великий Новгород. Здесь пустился во все тяжкие: пел, лечил, строил лесопилки, делал кирпич и кареты.

Отучился у ведуна Игоря, потом у волхва Добрыни. Только им двоим открылся, что я из далекого будущего.

Приобрел замечательный голос, умение лечить подавляющее большинство болезней, предсказывать погоду на день вперед, понимать очень быстро любой человеческий и звериный язык.

Ко мне хорошо относятся все животные, никто не укусит, не лягнет, не оцарапает – видят во мне друга. Могу убить и человека, и зверя одной силой мысли. Ну, пока так лишил жизни только нескольких убийц, пришедших из Костромы, и крыс в доме ведуна. Приобрел еще кучу всяких интересных умений, пока никак не востребованных. Построил дом, конюшню, ограду. На днях перееду от Игоря.

Собачья будка появится в ближайшее время. У меня две лошади, Зорька и Вихрь, крупная и очень молодая средне-азиатская овчарка Марфа.

Я выстроил две лесопилки на реке Вечерке и получаю деньги в лавках, торгующих досками, на Софийской и Торговой частях Новгорода.

Начал строить ангар для показа и изготовления экипажей. Сейчас их делают несколько мастеров Софийского рынка прямо на улице.

А ведь лето уже закончилось, скоро пойдут затяжные дожди, резко похолодает. В новой мастерской, с крышей и отоплением, умельцам полегчает. На этом деле сильно горячится поставленный мною приказчик Антон, бывший кожемяка и скорняк. Он же обтягивает фаэтоны, кареты со складным верхом, кожей.

В целом все было благополучно, пока вчера не озадачил волхв Добрыня, который, в отличие от меня, хорошо видит будущее человека.

Оказывается, я, через полтора-два месяца, должен ехать спасать мир. Для этого мне всего лишь надо столкнуться с дельфином Черного моря (здесь – Русского), добравшись до него по Славутичу, который позже будут звать Днепром. Для этого волхв расширит диапазон моего слуха, чтобы я улавливал ультразвук, которым эти морские млекопитающие владеют в совершенстве. Даже в далеком от этого времени 21 веке, ученые, записавшие эти недоступные человеку речи на

электронные носители, пока ничего в них не могут понять, чтобы потолковать с дельфинами по душам.

Нужно договориться с неведомым даже кудеснику пришельцем. Еще один попаданец из будущего? Интересно, из какого века?

Потом надо встретиться с великолепным арабским поэтом Омаром Хайямом, который живет неизвестно в каком городе в неизвестной стране. Наш волшебник этого не видел, а в рукописях сохранились данные только о более ранних периодах жизни умнейшего из поэтов, когда он заведовал обсерваторией, писал математические трактаты, лечил людей, был известным философом. Потом его жизненный путь неизвестен. Осталось только описание дней перед смертью, настигшей его через много лет после сегодняшнего 1095 года.

Кудесник перестроил мне память, и теперь извлечь из нее полученную когда-то информацию, особого труда не составляло. А с приходом в мою жизнь Интернета, знания потекли рекой. Это молодежь, в основном, смотрит кино и слушает музыку, рассматривает картинки с забавными фотографиями собачек и кошечек, я люблю читать умные и талантливые книги, узнавать новое. Мне, все-таки, скоро пятьдесят восемь лет, и я вырос в абсолютно другой среде, чем молодые.

Оно и прежде, дырявая память много получала, но далеко не все удавалось из нее извлечь. Давно известно о людях, которые помнят все, и об профессиональных разведчиках с

натренированной способностью к запоминанию нужного материала, но я был отнюдь не из их числа.

Конечно, можно было бы расценить идею Добрыни, как полный бред и лишние выдумки, но он меня очень многому научил и открыл мои ранее неведомые способности. В своих предсказаниях волхв тоже пока не ошибался.

А эта тема – с приходом Апокалипсиса – слишком серьезна, чтобы ею пренебрегать, положившись на русское авось. И, рисковать жизнью Забавы, лучшей женщины всех времен и народов, я позволить себе не могу. Значит, надо готовиться к дальней дороге, собирать деньги для похода.

Тут завожилась и радость моей души. Она была на тридцать пять лет моложе меня. Правда, бросок во времени физически омолодил старика-супруга, и разница в возрасте особо не ощущалась. Поцеловались, умылись и пошли завтракать. После еды ушли поваляться.

Забава спросила, обнимая меня:

– Ты хоть понял, про что кудесник толковал? Какие-то рыбы, поэты... И все это черте где! Может его с этими выдумками послать куда подальше?

Я объяснил, почему верю Добрыне. Она задумчиво протянула:

– В общем, ехать надо... А почему б сейчас не выехать?

– В следующий раз и узнаем.

На том и порешили. В скорое наступление беременности моя радость не верила. С первым мужем два года прожила

и ничего не получилось, а тут только начали встречаться и вдруг нате вам!

Потом пошли гулять с животными. У ведуна пришел клиент, и он влиться в нашу дружную компанию не смог – зарабатывал деньги.

Мы искупались в Волхове, рассекающем Новгород на две части, и я впервые спокойно полюбовался еще девичьим телом жены – никаких рельефных мышц, напластований жира, бедра, как и положено, шире плеч.

Избыточной худобы, как это стало модно в далеком будущем, тоже не наблюдалось. Истинно женская фигурка, словом – идеал! Русская красавица! А ведь богатырка, богатырша, поляница, как здесь зовут женщин с богатырской силой.

Они в Древней Руси не уступали богатырям ни в чем, а частенько и превосходили их в борьбе, и в битве с врагом.

Забаву выявили еще в подростках, когда она с подружками пошла собирать дары леса. На них выскочил здоровенный медведь, от которого в лесу и не убежишь, и не спрячешься. А что может против зверя, вставшего на дыбы, сделать ватага девчонок? Сопротивляться? Так вопрос даже и не стоял ни у кого, кроме богатырки.

Хороший удар по башке кулачком отрезвил мишку, который после такого надругательства над хозяином русских лесов, рухнул на землю, затих и обделался. Отлежавшись, он кое-как пришел в себя и унесся с воем, обычно нехарактерным для этого животного. Этому эпизоду масса свидетелей

– девчонок-подружек.

А после смерти богатыря-отца, сестру часто просили помочь братья-кузнецы: что-то поднять, что-то перенести. Им господь этой силищи не подарил. Я, проявление этой несказанной мощи, пока видел всего только раз, когда Забава бежала за лошадьми два часа, и не отстала, и не запыхалась. А скакали довольно-таки быстро. В общем, обычные мужики против нее, и кучей будут слабоваты.

Год стоял какой-то необыкновенно теплый по моим понятиям. Жена на это замечание, ответила, что ни она сама, ни ее мама другой погоды и не видали.

Когда же замерзает эта река? Лет двенадцать назад была особо суровая и снежная зима, тогда и по Волхову был виден кое-где тоненький и быстро растаявший ледок. Вот оно, время глобального потепления! А вовсе не 21 век...

Хотя может быть это районное явление? И где-нибудь в Киеве, ледниковый период?

Спросил супругу. Ответ был положительным для меня: все говорят, что там зимы и не бывает! А я поплыву, поеду в октябре-начале ноября. Славутич, конечно, об эту пору льдом не прихватит, не ходи к гадалке!

Еще Забаву заинтересовало будущее стояние баб в очереди перед моей дверью, неизвестно чем обусловленное. Видимо, просыпалась дикая женская ревность.

На это я ответил, как еврей – вопросом на вопрос: а почему женщины к ведунам очень редко ходят? Оказалось, что

все дело в неизбывной женской бережливости и в стремлении отдать все лучшее своим детям. Поэтому сумму в пятьдесят рублей они и считают непосильной для семьи обузой. Конечно, боярынь или очень богатых купчих это не касается.

– А мы эту цену опустим!

– И сколько же ты будешь просить?

– Думаю, надо действовать немножко иначе. Боярыням нечего и давать всякие поблажки. А с женщин других сословий надо спрашивать по пять рублей с носа. Просить меньше – припрутся и те, кому реально и не надо лечиться, больше – опять все будут жадничать.

Сегодня можешь сразу оповестить о новой стоимости своих подружек. Слухи расходятся быстро. А я в ближайшую пору расскажу Фролу, торгующему в нашей лавке на Торговой стороне и тамошнему старшине купцов Сысою.

С нашим старшиной Акинфием, на Софийской стороне, лучше и не связываться – редчайший гад. Но я занимаюсь изготовлением экипажей здесь, на нашем рынке. Сейчас там целыми днями работает приказчик Антошка. Сообщи ему, а он доведет до сведения наших мастеров: плотников, стекольщиков, маляров. Твоим братьям говорить бесполезно, – не женаты, так пусть Антон обежит кузницы рядом.

– А твой приказчик Алексей, который торгует досками с нашей стороны?

– Мне кажется, он будет бесполезен.

На том и порешили.

Подсохнув, засобирались к дому. Потап, грозный среднеазиатский пес ведуна, гонял по берегу какого-то парня, видимо, пожелавшего пополнить свой запас эротических впечатлений видами обнаженной натуры – купальники еще не изобрели, а моя супруга была чудо, как хороша без одежды. С этой целью молодец, видимо для того, чтобы нас не опечалить, прятался в прибрежной поросли, где его и застукал страшнейший волкодав. Потап погнал любителя посмотреть на голых женщин прямо через кусты. Юная Марфа (всего семь месяцев отроду, сама себя бы пока хоть укараулила) весело гавкая, бежала позади грозного пса. Я их отозвал от вуайериста, после чего мы всем дружным коллективом подались в город.

У двора ведуна меня опять пригласили к очередному больному. Пациентов оказалось шестеро. Вся боярская семья – родители и четверо детей отравились грибами. Симптомы одни и те же: рвота, понос, боли в животе. Каких-то поганок наелись еще вчера, в обед. А болезнь началась только сегодня утром. Это ободряло – неведомые сморчки были не очень ядовиты. Все останутся живы и без реанимации.

Тут ведунско-волховские штучки не прокатят! Я велел подать шесть горшков с водой, чтобы не запутаться – кому и сколько было выдано, велел челяди наливать чашки и поить хозяев.

Другие подали в это время тазы и ведра, приготовившись собирать выходящую гадость. Всем отравленным этот про-

цесс активно не нравился. Они охали, стонали и роптали, но пили! Отказалась одна боярыня. Да еще встала и ушла.

Оставшихся пятерых начало рвать, и длилось это все примерно час. Кто-то выпил всю выданную воду, кто-то чуть поменьше, но нужное количество всеми было выпито и вырвано.

Уложил боярина и пацанов в одной комнате, дочку в другой, велел воды больше не давать, принимающие емкости оставить возле больных, вдруг опять остатки грибов и воды выйдут. В туалет ходить тоже прямо здесь, в тазы и ведра. А то при походе в уборную, можно там и упасть. Полежать, сколько получится, будет улучшение – сесть посидеть, а потом и походить.

Сам приеду к вечеру, всех проверю. Стоить это все будет двести пятьдесят монет при конкретном улучшении. Уехал, не прощаясь.

Пообедал, повалялись и опять разошлись кто-куда – я на рынок Торговой стороны, Забава по подружкам. Мой первый друг в Древней Руси, изрядно рыжий от природы Фрол, торгующий на базаре нашими досками, не сразу понял, что от него требуется. Человек он был верный, честный, очень порядочный. Такой в бою не испугается и за друга будет стоять насмерть. Но понимал новые мысли с некоторым трудом и нуждался в некотором добром и ласковом руководстве.

– А мне-то что делать? По улицам, что ли больных баб для тебя отлавливать? – спросил Фрол, задумчиво глядя на

меня глазами василькового цвета, — за досками ко мне одни мужики приезжают.

Я вздохнул. Сориентируем быстромысла в сторону верного решения.

— Расскажешь о дешевом лечении женщин Кате, а она решит, что делать.

С Екатериной, у которой больше года назад пропал муж, он уже жил некоторое время и дело явно шло к свадьбе. Его предыдущая жена попыталась нас обоих убить руками головорезов батюшки. Так как я был в ту пору обычным человеком без всяких дополнительных способностей и необученный махать мечом, а у купца Фрола, хоть и бывшего княжеского дружинника, одному выстоять против нескольких таких же профессионалов, шансов не было никаких, мы убежали на подвернувшейся вовремя ладье, из небольшой в 11 веке Костромы, сюда, в Великий Новгород.

По пути нас все-таки настигли, и мы приняли неравный бой — втроем (помог молодой матросик с ладьи, которая нас везла) против четверых матерых профессионалов. Бились хорошо: троих убили, один убежал.

Очень помог купленный мне по дороге арбалет, который на Руси звали самострелом. Двое из убийц перешли в мир иной с помощью его болтов-стрелок. На близком расстоянии особого навыка от меня и не потребовалось — только успевай перезаряжать.

Удалось взять в плен человека отца жены. Был он без ору-

жия, поэтому оставили в живых. Запуганный мной подлец рассказал горькую правду.

Все дети супруги Фрола, которых он всегда считал своими, оказались не от него. Так что он тоже может считать себя свободным.

Затем пошел к Сысою, старшине купцов этого рынка. С тем договорились о распространении легенды, что каждая пациентка, пришедшая благодаря его стараниям, и сказавшая: я от старшины, будет за те же деньги вылечена гораздо лучше.

Мне надо их будет учитывать, подсчитывать и выдавать ему за каждую полтинник. Сделку эту не афишировать, должность у него все-таки выборная. Мы уже имели опыт общения.

В первый раз, когда пришел с намерением убить зятя тестя Фрола из Костромы и привел с собой пятерых вооруженных бойцов. На их беду тут подошел уже хорошо обученный и с раскрывшимися способностями я. Чтобы умертвить костромичей, мне хватило пары взглядов. На врагах не было ни ран, ни кровоподтеков. Во времена раннего христианства за такие явно языческие дела можно было и на пытки отправиться, и головы лишиться. За изрядную мзду Сысой это дело прикрыл.

Второй раз он опроверг слухи о низком качестве наших досок, распространяемые конкурентом – старшиной другого рынка Акинфием. И тоже не бесплатно. Не альтруист, но

дело с ним иметь можно.

Перешел по мосту через Волхов на Софийскую сторону. Быстренько объяснил Антону о распространении рекламы о недорогой женской лечебнице и отправился на стройку собственного дома.

Изба, конюшня, забор – все уже было готово. Плотники вколачивали последние гвозди в собачью будку и с нетерпением ждали расчета. Деньги и новые заказы ими были тут же получены.

Мне хотелось еще выстроить, убрав часть ограды, приемный покой с печкой и входом с улицы, а плюс к нему сарай для производства кирпича из тонких досок. Огонь в печи для обжига гаснуть не будет, жар будет идти постоянно. Надо сделать вытяжки для проветривания без стекол. Первым делом поставить кирпичникам навес от дождя. С этого начать, и лишь потом строить регистратуру из мощных бревен с толстенной дверью. Нужно было думать и о строительстве собственной бани, не весь век же по людям бегать париться.

Потом подошел к кирпичникам. Бывшие скоморохи работали все пятеро. Собственно, как от музыкантов, впечатление от них было довольно-таки тусклое – инструменты дешевенькие, дудки, трещотки, бубны и барабаны, голосок у замещающего меня певца жиденский – денег им либо вовсе не давали, либо платили гроши.

Другое дело, как на меня реагировал народ – сильный и задушевный голос, умение очень смешно рассказывать анек-

доты, которые были изменены для 11 века и знал я их бездну, замечательно звучащая и не дешевая домра – и рубли, которые поступали каждый вечер кучами и делились на всех.

Ребятам очень нравилась такая жизнь: немножко подудел, потрещал, постучал, и пошел посидеть, покушать за счет заказчика. А в последнее время исполнение мною похабных анекдотов приводило к тому, что они после первых же двух песен уходили на отдых и смеялись вместе со всеми над моими короткими историями. Зато потом получали за один вечер, как умелый ремесленник за неделю интенсивной работы.

Сейчас, работая над изготовлением кирпича, они гляделись гораздо более достойно.

Ребята окружили меня, и их бригадир Иван доложил о положении дел. Счет изготовленных кирпичей уже шел на тысячи. Печник, работающий по изготовлению камельков для моего дома, брал незначительное их количество.

Вдобавок, скоро пойдут дожди – осень уже наступила. Готовый-то кирпич воды не боится, а где сушить заготовки из глины? А для их просушки требуется трое суток. Топить жаровню уже почти нечем, дрова подходят к концу.

Успокоил молодец.

– Навес со дня на день сделают плотники. Бревна купите и привезите сами. Заодно поищите для обеспечения себя дровами двуручную пилу и колун. Везите будущие дрова на телегах, нанятых возле штабелей с лесом. Берите из деревьев

те, что подешевле.

Денег выдал Ване на все. Организацией сбыта сегодня же займусь сам.

Ватага была удовлетворена результатами переговоров. Я ушел в дом, прихватив с собой небольшой чурбачок. В избе присел на него и задумался.

С продажей кирпича были большие трудности. Печники за ним не пошли, хотя Митрофан, занятый печным делом на моем дворе, клянется, что всех, кого знал, оповестил и удобный камень-кирпич, не нуждающийся в обтесывании, каждому показал и дал повертеть в руках. Все поглядели, от души повертели, согласились, что очень удобен, но тратить деньги не захотели.

Поговорил с несколькими боярами сам – тот же результат. Всю жизнь, с деда-прадеда терема из леса строили, и не нам этот исстари заведенный порядок менять.

Сбыть воинскому правителю Новгорода – государю? Князья всю жизнь в Новгороде не правят – должность выборная. Меня перекинуло сюда из 21 века к окончанию срока княжения Давида. А всего он пробыл здесь год, с 1094 по 1095. Новый князь Мстислав тоже, наверное, высидит недолго. Какой смысл ему возводить за свой счет (город и новгородская земля с подчиненными городишками ни копейки не даст) здесь кирпичные хоромы? Все князья на Руси о княжении в стольном граде Киеве мечтают, неустанно за это бьются между собой.

С купцами беседовать явно бесполезно. Какая-то беспросветная обстановка.

И что я здесь видел, построенное из камня? Стоп, стоп, стоп! А ведь это строение здесь каждый знает – это Софийский собор! Я в нем даже был совсем недавно.

В дочь боярина Добромысла вселился бес. Никто его выгнать не мог – ни священнослужители молитвами, ни ведунны, ни волхвы своими методами. Все только давали совет полечиться у отшельника, святого человека. Поглядел девушку и я, они были правы.

Но такой святой старец жил возле Новгорода всего один. Звали его Богдан, и ему уже было больше ста лет. По старости и ветхости помогать людям он уже не мог и готовился к смерти. А когда был более молодой, демонов гонял легко. Решил все-таки обратиться к нему хотя бы за советом.

Тут и увидел тонюсенький лучик божественного света, протянутый сверху к его голове. Послушав меня, отшельник помолился и, почувствовав прилив сил, велел взять себя к ученику – протоиерею Николаю в Софийский собор.

Там он передал молодому, лет пятидесяти, церковнослужителю, Божий луч, и тот протянулся к голове Николая мощным прожекторным лучом, который превосходил такой у отшельника в десятки раз. Вечером того же дня старичок помер.

Через пару дней беса из боярышни изгнали. После этого мне стало понятно, что мой атеизм – ошибочен и я от всей

души поверил в Бога!

Но вернемся к нашим делам. Софийский собор был выложен не из кирпича, а из какого-то грубо обтесанного камня. Он был не оштукатурен, и неровности камней выпирали из стен. Хотя вверху делался ровным. Но больше – ни одного кирпичного здания! Значит, надо встретиться с протоиереем.

Я прошелся до Детинца. Кроме собора, здесь еще был и княжеский двор, и Вечевая площадь. Полюбовался на три входа Софийского собора. Величественный храм! Роздал милостыню нищим. Помолился Божьей матери, поставил несколько толстенных свечек.

К протоиерею меня отвели сразу. Николай был сумрачен. Луч, по-прежнему, осенял его голову. Поздоровавшись, он сказал:

– Хотел канонизировать учителя, так эта киевская рожжа, епископ Герман против! Трясет козлиной бороденкой и талдычит: он же не великомученик, не страстотерпец... А сколько всего Богдан сделал для людей, скольких вылечил, скольким жизнь спас, у скольких бесов изгнал – ему наплевать! А от самого проку, как от козла молока! Ладно. Горячусь чего-то сегодня. Ты с чем пришел?

– Мы с ребятами хотим чего-нибудь построить из кирпича, можем за церковь взяться.

– Что это такое – кирпич?

Вынул из сумки, отдал в руки.

– А, плинфа..., и где берешь?

– Сами делаем.

– Пол века назад этот собор строили, сказали – глина у вас, в Новгороде плохая, возили из Киева. От этого и строили долго, почти пять лет и дорого. И то заменяли плинфу, где могли в стенах, камнями – ракушечником и известняком. Но попробовать можно! Сейчас как раз готовимся строить небольшую церквушку, Герман клинит: денег верующие пожертвовали маловато! У себя в Киеве он, наверное, от себя бы пожертвовал! Может, даром сложишь?

– Я бы так и выстроил, но кирпичникам и строителям пить-есть надо. А, чтобы от епископа не зависеть, деньги на строительство соберем сами, мы с тобой, если ты не против этим и займемся. Ты речь скажешь, я спою!

– Что же это за песня, чтобы верующие за это рубли понесли?

Я исполнил «Аве, Мария...» с текстом на неведомом мне ранее языке, на котором в эпоху моего далекого детства в 20 веке пел Робертино Лоретти. Сейчас обучиться любому иностранному языку для меня дело одной минуты, усиленная волхвом память осечек не дает. У Николая аж дыхание перехватило.

– О чем... кха, кха..., о чем это?

Перевел.

– Это же наша, божественная песня! Где ты слышал это величие?

– У католиков. Сделаем по-русски, точно будет наша!

– О Господи! И ты, с таким голосищем, памятью и способностью писать стихи, будешь делать этот жалкий кирпич?

– Стихи буду писать не я, есть у нас в ватаге способный отрок Ярослав. А мне скоро к Русскому морю, мир спасать.

– Это как понять?

Объяснил предсказание.

– Это есть в Библии. Книга Откровение об Апокалипсисе Иоанна Богослова, – и священнослужитель процитировал отрывок – звезды с небес, небо, как свиток, луна, как кровь... Ты читал?

– Не довелось. Но есть предсказание верного человека.

– Их много – отмахнулся протоиерей.

– Этому я верю.

– Чего же сейчас не едешь?

– Не время.

– Вернешься, расскажешь.

– Если удастся. Добрыня об этом ничего сказать не может.

Постараюсь уцелеть, у меня жена молодая, любимая.

– Так может останешься? Церковь тебе место своем сердце всегда найдет.

– Не могу! – надо будет отправляться.

– Ты истинно верующий... Веришь, что удастся вернуться?

– Как Бог даст! Не мне, верующему в величие Господа, это решать.

– И как ты думаешь добыть денег своим пением? По улицам будешь бродить?

– Мне нужна будет твоя помощь.

– Говори.

– Ты можешь подойти на Вечевую площадь с отроком ангельского вида в такой же, как у тебя рясе?

– Конечно.

– А когда ближайшее вече?

– Через три дня.

– Князь будет?

– В этот раз – да.

– Мысль такая: мы с тобой встаем рядом, и я пою песню. Потом ты рассказываешь о строительстве новой каменной церкви и просишь пожертвовать деньги на ее постройку. Юноша с кружкой или ящиком обходит народ, собирает пожертвования. На прощание пою что-нибудь ваше, богоугодное, и расходимся. А деньги, после вашего тщательного церковного учета, нужные для постройки, ты мне под роспись выдашь. Я человек верный, надежный: свой дом большой с изрядным хозяйством, две пилорамы на реке Вечерке, две лавки досками на разных рынках торгуют, крытые повозки начал делать и сбывать боярам здесь, на Софийской стороне. Мне с народными пожертвованиями убежать никакого резона нет. Строительство церкви хочу затеять, чтобы ватагу хлопцев-скоморохов приличным делом занять – кирпич пусть обжигают и стены возводят, чем в свои бесовские

дудки дудеть, да бубнами бренчать.

– Хорошо придумал! А что наше будешь петь?

– А что скажешь.

Николай надолго задумался.

– После твоей песни петь псалмы...

– Давай спою просто «Отче наш» на свою мелодию.

– Можно попробовать, – авторитетно заявил протоиерей.

Я исполнил святую молитву, взяв мотив у песни сталинской поры об авиации.

– Приемлемо, – одобрил Николай – похуже, но тоже хорошо. Какой ты певец! А то прихожанки говорят, сейчас на купеческие посиделки нанимают одного. Поет очень мало, одну-две песни, а непристойных историй рассказывает тьму. Откуда только взялся, этот подлец? Не знаешь его?

Себя я знаю лучше всех в мире. Ну не будешь же со священнослужителем делиться подробностями своей гадкой автобиографии, делая упор на том, что с этой гнусной личностью познакомлюсь только через тысячу лет.

– Не видал такого. Но встречу, обязательно плесну водой в его мерзкую рожу! И скажу: так же и твои похабные историйки обдадут человека!

– Вот-вот, именно так! Не бить, не ругать, а унижить этого грешника! Показать ему наше превосходство!

Подумалось: завтра при умывании, обязательно унижу! Не упущу такой замечательный шанс.

– Иди, переводи основное.

На том и расстались.

Вернулся к кирпичникам. Они заинтересовались моим беганием туда-сюда.

— Нашел вам заказ на несколько месяцев работы, а может и дольше — как пойдет. Церковь будем класть.

Пошла обычная для них реакция.

— Мы же не умеем! Никогда этого не делали...

— А с кирпичом в руках вы выросли? Никогда не поздно начинать учиться полезному делу, которое будет вас кормить всю жизнь!

Первым, как обычно, вызвался Ваня. Сразу же за ним следом подписался его друг Егорка, а там потянулись и остальные.

— Работать теперь будете так: двое на кладке, двое на изготовлении камня. Иван — старший, глядит за порядком и завозит сюда бревна, глину и песок, на строительство — кирпич и известь. Периодически будете меняться между собой. И чтобы каждый все знал и все умел! Кто попытается схалатничать и сделать брак: не докалить кирпич, криво выложить стену или еще как-то нагадить, вышибу к чертовой бабушке и никогда с этим человеком никаких дел иметь не буду! С ленивым тоже работать не стану. Всем все ясно?

Споров не было. Иван глядел на своих сурово, как дембель на первогодков. Этот и проследит, да и сам не обмишурится.

— А сейчас нам нужно сделать перевод текста песни на рус-

ский язык, по сути – написать на эту тему новые стихи. Чтобы Ярослав писал спокойно, пусть идет домой. На работу три дня.

– Да я лучше тут, с ребятами.

– И учтите: без этой песни заказа не будет!

Ярик сиял, как медный таз. Писать стихи было его любимейшим делом.

– Мастер, хоть намекни, о чем писать-то? Не похабное чего?

– Ну ты нашел похабника!

– А вот твои анекдоты...

– И есть анекдоты. А тут о Божьей матери петь буду!

И я коротенько перевел текст. О том, как мы просим ее защитить нас всех, укрыть землю своей заботой и любовью. А потом спел. Это было, конечно, не исполнение итальянской суперзвезды, но слушателей проняло. У, особо чувствительных, даже выступили слезы на глазах. Эх, молодость, молодость...

– Старший, а вдруг я плохо напишу?

– А я тогда плоховато спою!

Посмеялись, усадили пятнадцатилетнего поэта на чурбачок, сунули в руки кусок доски, который после работы плотников валялся во дворе, и вдохновение полилось на бересту, используемую в Новгороде вместо бумаги, которая до Руси еще не дошла.

Подарок леса махом ободрали с напиленной на дрова бе-

резы, вместо писала сунули Ярославу большой гвоздь, выцоганенный сходу у плотников, которые еще тоже возились с постройкой регистратуры, и работа понеслась! Да, пора подаваться на повторный осмотр знатного семейства.

Боярин и его детишки, по сути, уже выздоровели. Жалоб не было никаких ни у одного из пролеченных мною пациентов. Хозяин попросил помочь жене.

– Не возьмусь! Она категорически отказалась.

– Ей уже совсем плохо стало.

– Вызывайте другого.

– Обращался еще к двоим, любые деньги давал, не идут, говорят они это не лечат. Не могу же я троих детей без матери оставить!

– А полечить ее также, как и вас, не пробовали?

– Да пока спохватились, Ирина уж и пить не может...

– Да, совсем плохи дела. Это мне надо поглядеть.

Повели в покой боярыни. Она лежала бледная, черты лица заострились. Давненько на отравлениях грибами такого не видал! Многие линии перекошены. Похоже, поражены токсином и печень, и почки, резко упало артериальное давление. Сердчишко колотится, как у зайца, часто – часто. Прогноз, без лечения, крайне неблагоприятный.

Надо браться лечить, и будь, что будет! На то, что может пойти нехорошая слава, в случае неблагоприятного исхода – наплевать! Не деньги в жизни главное...

А ведь сейчас не 21 век, зонда для промывания желудка

не сыщешь ни за какие деньги, прокапать нечего и нечем. Велел подать объемный кувшин с водой, ведро, кружку, ложку. Всех выпроводил, чтобы не мешались и начал работать.

В первую очередь, позарез нужно повысить артериальное давление. Попытался. Бился минут двадцать. Медленно, но верно, состояние улучшалось: порозовели щеки, вернулся блеск в глазах. Повозился еще минут десять. Боярыня ожи-вилась, начали двигаться руки и ноги. Пора!

Взялся пихать ей в рот ложку с водой, сажать больную пока рановато. Гадкий характер опять проявил себя во всей красе: молча сжала зубы. Вот сволочь!

Внятно сообщил знатной паскуде, что о ее дурости узнают все – и муж, и дети, и челядь, и другие боярские семьи, куда меня вызывают часто. И когда она умрет, будут говорить, что от глупости сдохла.

А я постараюсь добиться через епископа Германа, кото-рому сейчас строю церковь за мой счет, чтобы ее похорони-ли на отшибе от кладбища, как самоубийцу. И, что не надо думать, будто просто пугаю. Сказал – сделал!

Это оказало неплохое лечебное воздействие – зубы раз-жались. Долго поил любительницу грибов из ложки. Потом ее бурно рвало. И так – раз десять. Боярыня покрылась хо-лодным потом. Не пилося тебе, голубушка, несколько часов назад...

Дал нам обоим отдохнуть. Опять повысил давление кро-ви в сосудах, можно сказать – вдохнул жизнь в отравленный

организм. Села уже сама. Впервые что-то умное молвила:

– Наливай чашку, из нее теперь пои!

Дело сразу пошло веселей – бодренько наливали, пили и вырывали! Если жидкость пыталась зависнуть в желудке и резко прорваться в кишечник, откуда ее уже извлечь сможет только патологоанатом и токсин попрет в кровь свободно, пихал в рот черенок от ложки, и гадость вылетала наружу. Так возился еще полчаса.

Потом уложил пострадавшую от поедания грибочков и су-
ровой медицины 11 века, женщину на широченную кровать
с балдахином.

– Ира, теперь надо полежать и отдохнуть.

– Ты только не уходи! Я без тебя умру!

Она наконец-то поверила врачу, а это большой успех в лечебном деле. Почему-то больные всегда чувствовали во мне крепкую опору и защиту своего хлипкого организма. Так было и в 20, и в 21 веке, даже и без сегодняшних суперспособностей.

– Я не умру?

– Только краше станешь! А для улучшения самочувствия, сейчас спою тебе божественную песню. Этот псалом о том, как Божья мать заботится о своих детях – о нас. Каждый народ поет ее на своем языке. На русском появится через два дня.

И запел «Аве Мария». Ирина была потрясена и мелодией, и голосом исполнителя. Вытерла широким рукавом синего

летника, выступившие на глаза слезы и немножко хрипловатым после процедур голосом, спросила:

– Что же ты с таким-то чудом будешь делать? Больным ее петь?

Любой женщине хочется убедиться в своей исключительности. Поэтому сказал:

– Для больных больше петь не буду. Нужды нет, и так вылечу. Буду собирать деньги на постройку нового храма, там и исполню, а протоиерей Николай поговорит с народом на Вечевой площади с участием князя Мстислава. Священнослужитель этот известен в народе тем, что один на тысячу верст может изгнать из человека беса.

– Может вранье какое?

– Сам видел. Он ученик отшельника Богдана.

– Про того слышала!

– А я этого святого человека привез в Софийский собор умирать, а он свою силу передал Николаю.

– Откуда знаешь?

– Вижу, как божественный луч идет к человеку. У тебя этого нет, у моей жены нет, ни у одного из моих знакомых нет. Думаю, и у меня этого нет.

– Почему? Может ты тоже одарен?

– Я могу вылечить любую болезнь, но беса выгнать слаб оказался. А протоиерей, получив такую-то силищу, боярышню и избавил от нечисти.

– Знаю, знаю! – захлопала в ладони Ира. – Это дочь бо-

ярина Добромысла. Он не так давно с мужем на охоту ездил, мы эту историю из первых рук знаем.

– Вот видишь? А ты вранье, вранье...

Помолчали. Я наблюдал, как потихоньку выравниваются пострадавшие линии по органам. Боярыня негромко сказала.

– Какой ты интересный человек! И жизнь у тебя, наверное, необычайная.

Тут влетел супруг.

– Господи! Жива!

Ему, видимо, доложили о пении в спальне, и он решил, что неудачливый лекаришка отпевает его жену после своих неловких действий.

– Жива и еще долго жить будет! – заявил я ему дерзко – знаю по линиям руки.

Боярину пока не верилось.

– Это точно?

– Ему можно верить – знает, что говорит. И лечить умеет, в отличие от других ведунов – уверила хозяйка. – Он сейчас церковь начинает строить. Ты деньги и за лечение отдай, и на возведение храма пожертвуй!

Видимо, дома ее авторитет был непререкаем. У таких мужья любят отсидеться на охоте или рыбалке и в 21 веке. Супруг забормотал:

– Сколько выдать-то?

Боярыня поглядела вопросительно на меня – типа, говори!

– За лечение всей семьи – триста рублей, а сколько на Божье дело дать, каждый сам решает.

Все было отсыпано по щедрому распоряжению хозяйки в немалых количествах. Потом она спросила:

– А коляски тоже ты делаешь? Зачем?

– Начинал, вроде, чтобы помочь людям: пожилым, женщинам, кто лошадей опасается, детей чтобы возить, беременным будет полегче брести по городу. Защитит карета от грязи, сырости, сильного ветра, ливня и пурги. Если мороз сильный можно пологом укутаться. Иногда выпьешь лишнего, прислуга загрузит в экипаж, кучер довезет до терема.

Боярину, с подозрительно красным носом эта идея тоже начала нравиться. Но, по-видимому, для порядка, он спросил:

– А в чем отличие от телеги – также везет и стоит гораздо дешевле?

– Та для нищеты и купчишек всяких. В ней холодно, ветер гуляет, дождь мочит. Пока на ней доедешь, всю душу вытрясет. А на моих красавицах тепло, сухо, тряску рессоры гасят.

– А что это такое? – заинтересовалась боярыня.

Несколько листов металла под днищем кареты, кузнецы куют. Хозяин буркнул:

– Эка невидаль!

– Мы одни на всю Русь можем сделать такую вещь. Иностранцы тоже у меня берут. На днях четыре экипажа заказали, на Готланд увезут. Половину стоимости уже внесли за-

ранее.

Правильно говорят: реклама двигатель торговли! После моей речи решение о покупке было принято безоговорочно. Поехали дальше.

– Вам какая карета нужна? На сколько мест, с откидывающимся верхом или нет, с окошечками или без, поставить стекло, слюду или кварц, какого цвета будет кузов, что за обивка будет внутри, мягкие ли сделать сиденья или пойдут и жесткие, и прочее, прочее...

Боярин высказался, что такая длинная коляска (заказали дилижанс на шесть мест – на всю семью) будет застревать на узких улочках Новгорода. На это у меня уже был готов ответ.

– Я уже делал экипаж аж на восемь мест. Переднее колесо поменьше заднего. Пока жалоб нет, нигде не встал.

– Ну, если опыт уже есть...

Быстренько все посчитал, выдрал задаток. Ирине окончательно полегчало. Завтра всем велел поесть легкого супчика. Жирное, копченое, жареное, сильно соленое, маринованное поесть ближайшие три дня запретил. От ужина отказался – молодая жена дома ждет.

У ведуна на дворе Игорь и Забава играли с собаками. Меня сразу повели кушать. На шум вышла и жена ведуна – Любовь. Объявил всем, что завтра мы с супругой переезжаем в новый дом. Забава поинтересовалась:

– Ты же жаловался денег у нас маловато?

– Теперь хватит на любые причуды, сегодня заработал

волю, можно в ближайшее время не экономить.

Валяясь после ужина в отведенной нам комнатке, вспомнил, как крепкая боярская семья подарила мне после лечения иппохондриии у боярыни, женские украшения, привезенные из Киева и сделанные талантливым ювелиром Соломоном. В ушах опять прозвучал наказ, – никому кроме любимой женщины, их не дарить. У меня теперь все условия будут соблюдены.

Прошел к углу, где под лошадиными потниками стоял заветный сундучок. Лошади стояли здесь под навесом, конюшни у ведуна не было, и я прятал лишнюю сбрую от вездесущих собак – утащат и порвут. Особенно могла отличиться Марфа, наглый и еще толком необученный мною подросток. Потап, в отличие от нее, пес уже взрослый и натасканный Игорем. Среднеазиатские овчарки, на исконной родине в Киргизии их зовут алабаями, очень умны, легко поддаются дрессуре, но молодость есть молодость, и спрашивать с собаки, как со взрослой, пока рановато.

Ларец водрузил на стол.

– Это что такое? – заинтересовалась победительница медведей.

– Это тебе подарок.

Женское любопытство перевесило хорошие манеры, и Забава бросилась открывать неведомую, но такую интересную штучку. Вид украшений, да еще в таких количествах, ее просто потряс.

– Можно примерить? – перехваченным от волнения голосом, спросила супруга.

– Можно и нужно! – подтвердил я.

Сияли и переливались самоцветы, обрамленные в золото и серебро киевским мастером-ювелиром, златокузнецом, как их в это время называли. Свет играл на синих, голубых, красных и желтых гранях этого великолепия, доведенных до совершенства умелой рукой. Да, были люди в ваше время, не то, что нынешнее племя! – переделал ехидный ум стихи великого русского поэта. Украшения были чудо как хороши.

– Есть только одно обязательное условие для новой хозяйки, – услышала радость моей души от супруга.

– Какое?

– Нельзя эти вещи передаривать никому!

– А то что?

– Муж погибнет!

Забава налетела ураганом, и стала тискать суженого, легко оторвав любимого от пола.

– Ничего мне не надо! Лишь бы ты был рядом!

– Задушишь – захрипел я.

Приятно, конечно, когда любимая говорит такие речи, но уж очень жить хочется! Раньше она свою силищу на мне не показывала, берегла мужичка. Хоть и слабенький, да свой. Не всем же богатырями быть в конце концов...

– Назад ходу нет, – строго заявил жене. – У тебя эти вишюльки и бирюльки могут украсть, отнять, изъять как угодно

– лишь бы ты их никому не дарила.

– Конечно, конечно – заверила дражайшая половина.

Ну, пусть теперь лучшие подруженьки сколько угодно тянут свои загребушие ручонки к подаренным мною драгоценностям. Обобрать мою простодыру им уже не удастся.

– А дочери можно будет подарить? Вдруг у нас все получится?

В настоящее время свет моей души пыталась забеременеть и усиленно лечилась у меня, действующего под чутким руководством волхва Добрыни.

– Можно!

От радости Забава захлопала в ладоши.

– Но не более половины!

– Ладно, ладно...

Молоденькую соплюшку-дочь тоже лучше отсечь заранее. Навидался я их четырнадцати и пятнадцатилетних вволю и на вызовах в «Скорой помощи», и в прежней семье, любуясь дочуркой. Тут для меня тайн, в отличии от их безумно любящих матерей, нет. Малолетние наглючки мнят себя пупом земли и центром вселенной. В том, чтобы отнять что-то у родной матери, они не видят ничего особенного – нарожала, вот и вали в хайло своей кровинушке, все, что она пожелает. Жена вертела украшения и ей для счастья явно чего-то не хватало.

– Эх, зеркало бы мне, – протянула утеха моей зрелости.

До меня дошло, чего из имущества в нашей дружной се-

мье не хватает. В ближайшее время купим.

А где-то я такую штуку недавно видел. Усиленная волхвом память услужливо подала изображение комнаты жены Игоря с висящим на стене овальным зеркалом, в которой моя супруга ни разу не была.

– Ты сходи к Любе, у нее на стене этот триумф стеклодувов висит.

Радостно взвизгнув, Забава сгребла ларчик со стола и унеслась. Хорошо меня до кучи подмышку не сунула!

Да, пока две бабы все перемеряют, покрасуются друг перед другом, расскажут, какие у них раньше были висюльки и бирюльки, подружатся на всю жизнь – тут сдохнешь в ожидании. Ну, мне не семнадцать лет. Поэтому я немедленно разделся и завалился спать.

Глава 2

Разбудила меня жена своей возней в кровати. Она, уже оказывается, проснулась. Обычно встаю первым я. Оказывается Забаву так взбодрила перспектива сегодняшнего переезда.

Поглядел на часы, уцелевшие при переносе во времени и местных приключениях. Все думали, что это магический талисман – оберег, и с расспросами не приставали.

Правду знали лишь два человека в этом веке – хозяин этого дома Игорь и волхв. Их я посвятил в перипетии своего сомнительного прошлого.

Супругу пока не информировал. Женская эмоциональ-

ность иногда приносит неприятные неожиданности. А у нее это чувство иногда прорывается неожиданно и очень бурно.

В наш самый первый день моя любовь за неосторожно сказанное слово, вообще решила меня бросить, и унеслась со скоростью ветра. Слава богу, длилось это недолго. А узнав сомнительные аспекты моей трудной жизни, вообще может пришибить чужака со своей-то силищей.

Девять утра. Можно завтракать и браться переезжать, утаскивая свое имущество и животных. Гулять сегодня решили не ходить – было пасмурно и прохладно. Того и гляди еще и дождь зарядит. Типичная осенняя погодка в первых числах сентября. Бабье лето еще не наступило, и будет ли в этом году – неизвестно.

Сложили свои скудные пожитки. Особое внимание я проявил к домре, Забава – к драгоценному ларчику. Перевезли все в новое жилище. Закинули вещички в дом, лошадей – Зорьку и Вихря, в конюшню, собаку в будку.

Я отправился за поваром Федором, жена начала обжигаться. Искусник был мною выявлен в харчевне возле рынка на Софийской стороне. Он поразительно вкусно готовил, а Забава делала это удивительно мерзко. Пришлось переманивать кулинара из корчмы с противным и жадным самодуром-хозяином, к замечательному (как я себе думаю) мне, на повышенную заработную плату. Счастье мое это одобрила.

Федор кашеварил всюю, когда я прискакал на Зорьке. Узнав, что мы уже переехали, дорабатывать не стал – сложил

свое личное кухонное барахло и сразу отправился к месту новой службы, активно жалуюсь на корчмаря.

– Все считает, паразит! Везде-то я его обманываю: и об-
считываю, и обвешиваю, и еду ворую! Донял гнида, мочи
нет! И орет: убирайся, куда хочешь, не расстроюсь.

Хозяин не понимал, что вся популярность его таверны
обусловлена искусством кулинару, ради которого народ и
терпит высокие для Новгорода цены, и с уходом повара
убытки здесь гарантированы – посетители подадутся в дру-
гие, более дешевые места.

– Надо бы тебе, Федор, сегодня и рынок посетить – купить
горшки и прочее, что требуется.

– А как я все это понесу? Много ведь всего надо.

– Погрузим на лошадь – она утащит.

– Может, тогда сейчас и забежим?

– Давай.

Завернули на базар.

Тут-то кашевар и отоварился вволю – закупил нужный ин-
вентарь, ложки-плошки, специи, лук, чеснок, овощи, крупу,
мясо, жир для готовки и прочее.

Мало того, что загрузили Зорьку, пришлось и нам обоим
прихватить по здоровенному мешку. Тяжело груженую ко-
былу вели в поводу и обсуждали меню на сегодня для меня
и Забавы. Особняком придется варить для Марфы.

– Свинину и курей всяких ей в варево не клади, – втол-
ковывал я будущему кормильцу и поильцу нашей дружной

семейки.

– Это почему же?

– У курицы или иной птицы кости очень длинные и тонкие, а потому делаются, как псина их зубами поломает, как ножи острые. Воткнется этакое лезвие в горло или кишки – хана собачонке. А за волкодава большие деньги плачены, и найти эту породу в Новгороде очень тяжело. Сдохнет Марфа по нерадивости повара, три шкуры с тебя сдеру. Привык я к ней, полюбил всей душой, ответственность за любимицу несу. Хочешь, срежь мясо с курицы или утки, да бросай в ее будущее кушанье.

– Ну, это ладно, – не стал спорить Федор. – Денег только на собачьи изыски давай вволю, а я уж не подведу. Все, правда, своим псам всюю кости швыряют, так у нашего народа заведено, но их шавки и не стоят ничего. Да и объяснения твои очень разумны, видать знаешь, о чем толкуешь. А вот чем свинина-то Марфе не угодила? Она что, мусульманка? А ты и сам-то, может, иноверец какой? У них, вроде, и кушанья не такие, как у нас?

Конечно, сильно хотелось заорать: будешь мне одну шаурму с пловом ежедневно подавать! – но уж больно повар-то был хорош. Смирив свой буйный нрав, вытащил из-за ворота православный серебряный крестик, сунул ему под нос.

– Видал? Скажешь это нехристи носят? Враз башку за такой злой навет сверну!

– Что-ты, что-ты хозяин, это я так, шуткую, не со зла...

– Я сейчас затеваюсь церковь новую за свой и народный счет строить. А благословение на это мне протоиерей Николай, настоятель Софийского собора сегодня дал. Думаешь такое дело поручили бы не православному прихожанину, а отдали бы не знамо кому?

– Прости, с дури сболтнул!

– А в свинине червей всяких полно, прямо в мясе. Для людей-то варить будешь долго, изведешь уж как-нибудь, а собаку можем не уберечь. Хочешь Марфе свинину дать, от наших кушаний отложи, не жалеи, у меня на нее денег хватит. И вот еще что, – собаке обязательно сырое мясо надо давать и это ни в коем случае не свинина должна быть!

– А народ против выдачи собаке сырого мяса. Говорят, зверюга страшная вырастет!

– А они кого вырастить хотят? Добренького песика, который только на прохожих из-за хозяйского забора лаять горазд? Мне нужен волкодав, чтобы меня вместе с лошадьми на прогулке от людей и волков караулил, а ночью дом, хозяев, конюшню и прочее имущество от татей берег. А для этого зверь должен вырасти строгий и грозный. Просто дворовые ублюдки, которые только гавканьем берут, мне не нужны.

– А кто из простых людей собак держит, так те толкуют, что им и вареное-то мясо вовсе можно не давать, щенки и без того быстро растут.

– На их мелких и малонужных шавках это может и не особо почувствоваться. А нашей красавице, только перестань

сырое мясо давать, враз перемены почувешь: спина провиснет, лапы искривятся, шерсть клочками пойдет, а самое главное – боевой дух и бесстрашие могут уйти. Встретит такая собака, пустой кашей с хозяйскими объедками и обгрызенными уже до нее костями выкормленная, волка, который кроме мяса и не жрал в своей лесной жизни ничего, она что, с ним на равных биться будет? Завоет от ужаса, да убежит. Где уж тут хозяина да лошадей защищать? Уносить надо ноги поскорее!

Наконец появилась наша изгородь.

Да, переезд сродни пожару, как народ говорит. Везде приходишь к пустому месту и обживаешься заново. Федор вник в наличие дров, льда в погребе, кадушек и бочек для засолки и маринования грибов и поздних огурцов, квашения капусты.

Поленница во дворе высилась возле навеса кирпичников – глиняный камень они обжигали сутками, периодически меняясь у печей. Лед повар знал, где сторговать. Телегу Иван купит сегодня же и загрузит ее тарой для посола и прочих изысков. Я довел до сведения личного кулинара, что чечевицу и дорогой здесь рис терпеть не могу, рассказал, что именно люблю и уважаю. В общем, разговоры о кухонном хозяйстве велись до самого дома.

Здесь быстренько перетаскали все покупки в кухню, и Федор взялся растапливать печку для приготовления обеда, а заодно и ужина. Возиться с готовкой, как он хотел – два раза,

я не позволил, — у человека семья: жена, двое детей, его мать, проживающая у сына, так как своя изба у старушки сгорела. Отец давно умер. Тащить всех на своем горбу было тяжело-вато, но деваться было некуда — помощи ждать неоткуда.

Отсыпал Федору аванс и премию — порадовать родных людей. Все сомнения по поводу моей платежеспособности рассеялись — на болтунов, которые похвальбой только и сильны, я не был похож. Те наобещают золотые горы, а как платить, так и на попятную. Да тут, понимаешь, обстоятельства...

У меня принцип другой: лишнего не обещать, пообещал — сделай, хоть кровь из носа! За свои слова надо отвечать. Не дал слова — крепись, а дал — держись!

Неожиданно метнулась к забору и грозно залаяла Марфа. Вроде, никого не жду... Оказывается, объявилась первая ласточка из пятирублевых пациенток.

Провел ее в сарай, который в шутку звал регистратурой, усадил на лавку, быстро поглядел. Болезнь обычная, легко вылечу и ведунскими приемами, без привлечения силы, полученной от волхва. Объявил, что лечить берусь.

Бабенка тут же вынула деньги и сообщила, что она от Сыся, старшины рынка Торговой стороны. Мысленно зачислил на счет купчины первый полтинник. Взялся за лечебный процесс. Пока излечивал, собака опять подала голос.

Вышла на шум Забава и затеяла с кем-то беседу возле калитки. Оказывается, пришли еще две женщины в погоне за дешევкой, и тоже от старшины. Другие каналы рекламы по-

ка не срабатывали.

Через час сидело уже одиннадцать больных. Десять из них от Сысои. Вначале работал в тишине, но тут освоившееся бабы взялись галдеть из-за очередности. Каждая пыталась доказать, что она самая больная в мире, и поэтому имеет право пройти первой, вперед других ожидающих с явно здоровыми рожами. Те, конечно, спуска не давали. Шум нарастал.

В конце концов мне это надоело, и я рявкнул:

– Тихо! Еще кто чего скажет, вышибу всех к чертовой матери! Невелики с вас деньги, чтобы это терпеть. Мне проще одного боярина вылечить, чем весь этот базар переслушивать.

Вылечил еще двоих. Пришла супруга и позвала обедать.

Сели насладиться изысканной работой кулинара Федора. По ошибке он по общепитовской сноровке сготовил лишнего, и теперь, ожидая привычной по прежней работе реакции злобного хозяина, понуро бормотал:

– Да я отработаю... Нечаянно ошибся, больше не буду...

Мой отзыв его приятно удивил.

– Молодец! А я и забыл, что кирпичников тоже надо покормить.

Небо и земля в сравнении с харчевней! Да еще и платить будут втрое больше! Это тоже немаловажно для мужчины, который в одиночку тянет семью.

Поэтому он начал горячиться:

– Сейчас за ними сбегая! Всех позову!

– Они с тобой не пойдут, строгая дисциплина. Поем, сам схожу. Да и мне надобно спокойно поесть, без лишнего галдежа. Вот ты посиди с нами, уважь. Поговорим, поедим, не отказывай.

Такой непривычной уважительности от владельца, Федор никак не ожидал! В своей нелегкой жизни он видел только неутомимое хамство, которое приходилось терпеть за гроши. Поели вкуснейшей еды, обсудили наши пристрастия к еде.

Я ужасно люблю яичницу с колбасой или соленым салом на завтрак, Забава уважает блины со сметаной. Оба обожают сыр с маслом. Обсуждали, как надо заваривать невиданный в этих краях чай, случайно купленный мною на рынке. К концу трапезы выяснили, что у нас сегодня на ужин, что давать Марфе, и я сказал:

– Ну, что же, ты славно отработал свой первый день у нас. Теперь можешь идти домой, отдыхать.

– Да вроде рано ж еще!

– Рано не поздно, завтра успеешь все переделать. А сейчас пора пообщаться с семьей, поделаться там, чего надо.

А у приличного мужика заделье в своей избе всегда сыщется. Это лентяем и алкоголикам на все наплевать, а приличный человек всегда при деле.

Повар убежал порадовать жену известием о новом месте службы, а я пошел звать поесть бывших скоморохов. Егора и Павла пока оставили следить за печами, остальные дружно

пошли отобедать. Супруга осталась с ними, а я продолжил лечебный процесс.

Перевел дальнейший прием в дом. Марфу спрятал в будке, заложив проем парой досок, проймы под которые уже было приготовлены плотниками заранее.

Одну пациентку повел в дом, быстро вылечил. Сходу завел и принял следующую. Так все и шло до вечера.

Устал, как собака!

Решил больше десяти человек по льготным ценам за день не принимать. Слишком выматываюсь. Вдруг в ночь придется ехать лечить бояр, а я такой усталый. Могу и обмишуриться.

А дурная слава мне абсолютно не нужна. Завоевать ее легко, а избавиться очень трудно. Овчинка не стоит выделки. С этими мыслями и ушел в царство Морфея. Видел непонятные сны о будущем путешествии.

Глава 3

Утром подался на Торговую сторону. Узнал у Фрола, как торгуется досками. Все было хорошо.

Забежал к старшине торгова Сысою, отсыпал ему за рекламу. Вчера две трети пришедших на лечение бабешек были от него. Купец был очень доволен. Выдал мне заказ на пение и рассказывание анекдотов на сегодняшний вечер. На этом и расстались.

Видимо, прием больных женщин нынче будет проходить по сильно сокращенному сценарию. Человек пять-семь, не

больше. Ориентироваться стану по затраченному на дешевых пациенток времени.

Перешел мост через Волхов. Алексей, занимающийся продажей досок в лавке-амбаре рынка на Софийской стороне, испытывал какие-то непонятные трудности: выручки падали с каждым днем, количество завезенного и проданного товара сильно уменьшилось. У Матвея там что ли какие-то трудности?

Сотовые телефоны будут изобретены через много-много лет. Почты пока не существует. Гонцом послать некого, придется на днях съездить самому.

Подался проверить изготовление и продажу экипажей. Претензий к малоопытному в этих делах приказчику Антону у меня не было. Бывший кожемяка всюду делал и сбывал кареты и без моего участия. Выдал ему, пока еще неграмотному, заработанные на этой нелегкой стезе деньги.

Обсудили текущие дела. Антон предложил часть заказов перекинуть другим мастерам – наших производственных мощностей явно не хватало.

Этот парень, который гляделся вдвое шире меня, и с голосом, как из бочки, всегда нравился мне новизной и нестандартностью мышления, отсутствующими у других работников и компаньонов в новых делах. В нем чувствовался энтузиазм, интерес к работе, горел огонек выдачи новых идей. Он больше других был близок мне по духу и настрою.

Бывший скорняк не ждал помощи от судьбы и от неведо-

мого дяди, а старался найти свое решение проблемы. При этом проявлял недюжинное упорство и работоспособность. Не расстраивался при неудачах, а смело брался за новое. В общем, кругом молодец!

Его идею насчет привлечения новых людей в наш бизнес, я одобрил, но указал на важнейший нюанс при изготовлении фаэтонов.

У нас можно было украсть и использовать потом для конкуренции любую из моих идей, кроме изготовления рессор. Кузнецы-то, при всей своей молодости, поняли не сразу. Ни один боярин раскурочить свою новую коляску не даст, а купить ее самим конкурентам пока не дано – очень дорого. Поэтому на производство амортизационных приспособлений привлекать других мастеров не будем, обходясь кузнецом и его подмастерьем. Пусть крутятся, как хотят, и других заказов не берут. Этот шаг пока необходим для дальнейших успехов этого предприятия.

– А если они это новое умение кому-нибудь продадут, или секрет просто разболтают? – спросил Антошка.

– Мы с ними родственники. Я только что женился на их сестре – богатырке. Они оба эту невиданную силу от папаши не унаследовали, поэтому Забаву, пришибившую еще подростком в лесу медведя, очень уважают и опасаются. Вдруг обозлится, да и выдаст леща по-родственному, ласковой женской ручкой? Не меньше месяца пройдет, пока отойдешь после такого подарка от любящей сестренки. Насчет

ненужной болтовни я их уже предостерегал. А за то время, что соперникам понадобится для повторения моих успехов, наши кареты должны бы завоевать твердую и хорошую репутацию, что и обеспечит устойчивый сбыт этих изделий.

Решил еще зайти в Софийский собор, – вдруг Вече перенесли на другой день. Протоиерей был мрачен. Оказалось, около деревни неподалеку от Великого Новгорода завелся здоровенный коркодил, и, селяне, не имея денег, чтобы нанять бойцов-профессионалов, просят у церкви помощи. Мужики уже обращались и к новому князю, и к епископу. Получили везде отказ. Сами землепашцы боятся змея до безумия. А тот нагло жрет стариков и детей, неспособных быстро убежать.

Сегодня поселковый староста подошел и к Николаю. Священнослужитель взял время до завтра на раздумья. Никаких умных мыслей в голову не приходит. А там эта погань убивает и ест русских людей! Это было типично для этого типа человека – касается это тебя лично, не касается – Русь просит помощи, и отказать ей нельзя!

Упоминаний о таком звере, как коркодил, я не встречал даже и в Интернете. Звучит очень похоже на крокодил, но для них здесь слишком холодно. Спросил у Николая, водятся ли эта живность в русской земле?

– Больше на западе, у нас они в редкость. А там их полно. В Киеве такого гада видел, на цепи у одного боярина сидит.

– И что же ты завтра делать будешь?

– Даже и не знаю...

– А давай я с деревенскими пойду? Может, и удастся извести зверя?

– Ты же певец! Отнюдь не охотник и не воин!

– Меня учили два ушкуйника своему делу. Имею некоторый боевой опыт. С собой возьму саблю из дамасской стали и самострел. Совсем подождет, прыгну на коня и ускачу.

– А где скакуна отыщешь?

– У меня своих две лошади. Прежний князь подарил.

– За что так уважил, за пение?

Вспомнилось отношение священнослужителей к ведунам. Пособники дьявола, и все тут! Лечение, осуществляемое не от церкви, попами не приветствуется. И хоть кобылку Давид подарил за толковый медицинский совет, решил об этом умолчать. Поэтому мой ответ был:

– Конечно. Я песню про него спел.

– А песню где взял?

– Ярослав слова написал, я мелодию подобрал от другого песнопения.

– Толково выступил, – одобрил Николай мои действия. – Возьми меня с собой! Тут в соборе у сторожей рогатина стоит. Вдвоем, глядишь и завалим аспида.

– Давай попробуем. Ты на коне-то ездить умеешь?

– У нас в семье лошадь была. Да и по церковным делам ездить иной раз приходится. За меня не волнуйся. Если что,

ускачем вместе.

Крепко пожали друг другу руки. Нужное нам село протоиерей знал, уверенно найдем. Поедем завтра утром, сразу после заутрени. Я, правда, полагал, что убью змея так же, как у ведуна перебил крыс – усилием мысли. Нечистая сила, вроде беса, будет сходу истреблена или изгнана в свой чуждый для нас мир Николаем. Бегать, скорее всего, от врага и не придется. Впрочем, война план покажет.

Вернулся домой. Работа и у кирпичников, и у плотников спорилась. На дворе уже лежали большие штабеля кирпича. Мастера топора заканчивали крышу у регистратуры. В ней ожидали меня несколько женщин. С ними была и Забава. Так дело не пойдет, мне она на домашних делах нужна.

Пора было наводить порядок, как я его мыслю. Спросил у пациенток:

– Кто поработать хочет?

Вызвалась одна из всех. Повел ее и жену в дом. Одна из баб взялась было качать права, заорала, что она лечиться пришла первая. Унял ее в три секунды.

– У меня память очень хорошая. Сейчас выгоню и не прииму больше никогда!

Бабенка осеклась и заткнулась. Тут тебе, голубушка, не поликлиника 21 века, где всех придурков обязаны принять. Здесь я полновластный хозяин! И так чересчур слабый пол балую низкими расценками. Но могу и передумать, и по-прежнему лечить одни боярские семейства, дорого и каче-

ственно.

Пошедшая со мной в избу будущая регистраторша была лет сорока пяти, полноватая, похоже толковая и уверенная в себе, – вызвалась не раздумывая.

Когда уже выходили из регистратуры, еще одна женщина робко сказала:

– Может и я пойду...

Но кто не успел, тот опоздал, как будут говорить в далеком будущем. Да и не люблю, когда взрослый человек не уверен в себе.

Начали расспрос будущей работницы. Зовут ее Доброслава. С той поры, как погиб муж – убило молнией в середине этого мая, она доживала на оставшиеся после супруга-камнетеса деньги и нужды не знала. Но сбережения подходят к концу, надо идти зарабатывать. Детей у них не было, кормить ее некому. Родственники сами живут впритык.

Но тут доняла противная болезнь: болит и кружится голова, к вечеру частенько подташнивает. Пошла к знахарке, та дала травок, велела заваривать и пить ежедневно. Предупредила, что быстрого эффекта не будет, и напугала угрозой, что кондрашка хватит. От ужаса и на последние деньги прибежала сюда. В общем дела, как сажа бела...

Испугалась она не зря. Риск для полнокровного человека с повышенным давлением получить инсульт или, как говорят здесь в 11 веке, обнимет Кондратий, наличествует. Отмахиваться, не слушая никого, обычно характерно для молодых.

Поживший уже человек понимает, что все под богом ходим, и, без крайней нужды, чисто по глупости, рисковать незачем.

Ну, от этой опасности, тебя прямо сейчас и избавим. Для верности и большего психотерапевтического эффекта, поводил руками возле искривленной синей линии на голове и тянувшихся от нее лучиков по всему телу. Улучшение наступило практически сразу. Все выровнялось до картинки здорового человека. Лицо пациентки разгладилось – зримо полегчало. Она удивленно заговорила.

– Все прошло! Ничего больше не болит! А тошнить к вечеру будет?

– Только если поешь чего-нибудь плохого, завалященького. Решишь на радостях сэкономить и отравишься каким-нибудь тухляком!

– Что ты, что ты...

Объяснил Доброславе, как мы будем сотрудничать.

– Работать будешь шесть дней в неделю. Решу отдохнуть, значит и у тебя внеочередной выходной. На получку это влиять не будет. Получать будешь по рублю в неделю. С пациентками будь строга. Не допускай никакого галдежа, сразу объясняй, что можешь выгнать своей властью любую. Ко мне бегать только в крайних случаях: пожар, нападение врагов на город, приход ко мне знакомых или людей бояр. По делам регистратуры меня не тревожить. Сегодня прием будет коротким, только до обеда. Потом я буду занят. Сейчас пойдем в сарай, начнем работать. Сегодняшнее твоё лечение будет

бесплатным.

– Спасибо, спасибо...

Из регистратуры провел первую бабенку, и понеслось!

Отобедали вкуснейшей едой вместе с Федором, обсудили предстоящие закупки. Льдом погреб повар уже набил, и простор его фантазии был открыт.

– А это куплю?

– Конечно!

– А еще?

– Обязательно!

По приходу от нанимателя-купца с банкета вечером, упал в кровать и уснул. Снов не было.

Глава 4

Утром, после завтрака, объяснил Доброславе, что я буду в лучшем случае после обеда или только завтра. Вредного крокодила буду гонять до полного истребления.

О том, что сегодня меня может быть вовсе не быть, об этом нужно было оповестить всех желающих видеть хозяина. Баб просто отшить до завтра.

По каретам можно обратиться к Антону, где его найти, подскажут на Софийском рынке.

Забаву попросил зайти в любую церковь, куда ей удобно будет подойти, купить три иконы святого Пантелеймона – покровителя лекарей и к ним все, что положено.

Плотникам велел повесить киоты в регистратуре, дома в приемной, в спальне. Красный угол необходимо было укра-

сить иконами, чтобы слухи об этом пошли по Новгороду. А то махом запустят враки, о том, как я тут причащаю кровью невинных младенцев обратившихся ко мне больных. Оставил жене на эти цели денег.

Ивана придал мастеру по приготовлению вкусной пищи. Телегу им придется нанять на базаре, все лошади будут сегодня заняты мной. Отсыпал монету с лихвой.

Запряг лошадок, заехал за протоиереем, и мы подались в нужную деревню – заповедник неизвестного мне хищника. Экипированы оба были на славу: у меня арбалет и шашка на поясе, у него рогатина. В 20 – 21 веках я думал, что это рогулька, которой держат медведя, пока другие охотники его убивают.

Отнюдь! По дороге Николай меня просветил. На рогатину насаживают страшного топтыгина, а перекладина привязывается чуть-чуть ниже лезвия, чтобы смертельно раненый зверь не смог достать охотника. Осталось только добить косялапого или подождать его смерти. А рогатиной его зовут потому, что часто вместо дерева для поперечины, берется какой-нибудь рог. Длина лезвия оружия была с полметра. На любого зверюгу хватит, чтобы достать до сердца.

В дороге я спросил, не Змея ли Горыныча или вообще какого-нибудь трехглавого дракона, нам придется убивать? На это получил ответ, что если это и было, то очень, очень давно.

Последние лет сто, с приходом христианства на Русь, ни

об одном случае появления этих мифических существ неизвестно. Церковь все странные случаи учитывает постоянно.

А коркодил очень известен почти по всем нашим княжествам и соседним землям. Так что, в этом странностей всего две – зверь уж больно далеко на север залез, аж в Новгородскую землю. А второе – он, похоже, одиночка. Обычно они охотятся и живут стаей, по пять-шесть штук. А потом я и выяснил, как собирается биться святой отец...

Доехали довольно-таки быстро, поселок был близко от Новгорода. На улицу высыпали все жители, от мала до велика. Такое внимание народа польстило святому отцу, и он начал беседовать с паствой с большим вдохновением.

Послушав его минут пять, я взвел самострел и решил вмешаться в рассуждения о Боге Отце, Боге Сыне, и о Святом Духе, а то эта лекция до обеда будет длиться. Все это, конечно, очень уместно в промежутках между службами в храме, но сейчас мы сильно заняты.

Дождавшись паузы, решительно вклинился в речь протоиерея, не обращая внимания на его недовольство:

– А где у вас тут коркодила-то искать?

Сонные слушатели враз оживились, загалдели. Показывали, как обычно, в разные стороны. Нужно было чье-то компетентное мнение.

– А кто у вас на зверей в лесу охотится?

Диковатого вида мужик вылез вперед. Было ощущение, что сама идея стрижки волос на голове и бороде ему чужда.

Да, судя по специфическому духу, исходящему от зверолова, до бани он тоже был не любитель. Впечатление было, что живет в берлоге вместе с медведем, и только что оттуда вылез. Ну, хозяин-то леса, понятно, родного запаха может и не чують, но как с такой вонью других отслеживать, да еще в засадах просиживать, совершенно непонятно.

Русский народ славится тягой к чистоте, любит баньку, купание в реках и озерах летом – совсем не как западные европейцы, которые сомнительный душок отбивают в 11 веке разными отдушками.

Нетипичный для русской земли человек неласково буркнул:

– Я тут зверя добываю...

Хорошо, что не зарычал. А-то приезжие и струхнуть бы могли!

– А чего этого не добыл?

– Опасаюсь, уж больно он велик.

– А нам как его найти?

– Туда идите – и махнул рукой в нужном направлении.

Участвовать в этом героизме местный следопыт-охотовед явно и не рвался.

– Далеко?

– Близко эта гадость бродит, дальше двух верст от деревни обычно и не отходит. Жрать-то охота. И ручей рядом.

– А почему именно туда надо подаваться? Народ как-то вразнобой машет, в разные стороны.

– Рано или поздно коркодил там будет, где вода. А из ручья всегда напьется, тут спуск удобный. Ведь с его-то хвостом, в другом месте и не слезть.

– Может, покажешь где это?

– Не-а, боюсь...

Ну что ж, боязливый ты наш, может люди покажут? А се-ляне уже вызывались помочь.

– Это Васильевский спуск! Я знаю, сейчас покажу.

– Я тоже знаю!

Что-то галдели и бабы, но их мы не слушали, проявляя свой здоровый мужской шовинизм. В будущем, для обозначения способностей подавляющего количества женщин ориентироваться на местности, и умения объяснить дорогу спросившему прохожему, народом было введено понятие – топографический идиотизм.

Так и пошли по тропинке всей кучей: двое горожан с лошадьми, трое мужиков-проводников. Попытку слабого пола увязаться с нами, жестко пресек протоиерей:

– Сейчас зверь неожиданно бросится из кустов, а вы, по женской неловкости, убежать не успеете. Всех перекусает! А зубищи у него отравленные, к вашему сведению. Умаемся через несколько дней укушенных хоронить. Лечения от этого никакого нету!

Испуганные церковником бабешки тут же отстали.

– А что, зубы точно ядовитые?

– Точно, точно.

– А-то я думал, что он поймает жертву и душит, как удав какой-нибудь.

– Не душит, только кусает. Умирают либо от ран, либо отравленные. Яд только медленный, мгновенно от него не гибнут. Но и в живых мало кто остается.

– А большой зверь-то?

– Здоровенный, паскуда!

После таких разъяснений провожатый остался всего один. Остальные шмыгнули прямо через кусты, поняв мудрость опытного охотника.

Шли довольно-таки долго среди громадных деревьев, стоящих очень густо. В Российской Федерации такие леса остались, наверное, только где-нибудь в Сибири.

Дороги здесь, в 11 веке, были только недалеко от Новгорода, там, где ездили часто возчики с телегами и нередко ходили люди. А сейчас кругом заросли и чащоба.

Тропа, по которой мы шли, была неширока и пересекали ее только звериные следы. Стало понятно, почему купцы и летом, и зимой, в другие города добираются в основном по рекам.

Да уж, выскочит неизвестный мне здоровенный змей из кустов, убивать его силой мысли могу и не успеть, собраться ведь надо.

На всякий случай вложил болт в арбалет, который нес в руках. Чтобы выстрелить из него, заряженного, много времени не потребуется, уложусь в четверть секунды. Реакции

мои были ускорены волхвом. Появился шанс успеть всадить железную стрелку во вражину.

За животных я был уверен – не тронут даже дикие, а вот за пресмыкающихся поручиться не мог – опыта встреч с ними, после обучения у кудесника, не было. Да и раньше-то видел их только в террариумах при зоопарках, в лесу не встречал.

Дойти до спуска не успели – увидели противника изда- лека, через большую поляну. Было время убить уже прове- ренным мыслительным методом. Отложил самострел, вни- мательно пригляделся к врагу.

Нет, это не змей – у него мощные лапы и большое тело в наличии. Ящерица, точнее гигантский варан. Покрупнее будет дракона с острова Комодо, метров шесть в длину, по- хоже, тяжеленный. Зеленовато-серого цвета, сверху темно- го, светлеющего книзу. Для охоты в лесу расцветка просто идеал, типа маскхалата. Переваливался не торопясь. Длин- ный и очень узкий язык, раздвоенный с половины, периоди- чески очень быстро вылетал из пасти, почти доставая до зем- ли. Шея была толстая и длинная. Спереди (точнее – снизу) на ней раздувался, в такт дыханию, изрядный мешок кожи со складками по бокам.

Попытка его убить силой мысли, успехом не увенчалась. Вроде и врезал со всей мочи. Единственный эффект – пото- мок динозавров остановился, огляделся, и понесся к нам со скоростью хорошего бегуна-человека.

Оставалось только одно: попытаться убить его обычными

для этого века методами. Я схватил арбалет и выстрелил. Болт попал в голову. Ящерица опять встала, завертела башкой, удивленная неожиданным подарком. Дождаться отдаленных эффектов резону не было. Если сейчас гигант снова бросится, перезарядить самострел никак не успею.

Николай перехватил рогатину поудобнее, а я выхватил из ножен саблю дамасской стали, и понесся на врага. Рубанул изо всех сил по шее, и еще раз, и еще. Варан повалился и издох.

Сзади подошел протоиерей.

– Силен ты в бою! А я и не верил, думал хвастаешься.

– Лучшие мастера войны Великого Новгорода учили.

– Ты их не посрамил.

Из кустов вылезли селяне: трое наших провожатых, еще несколько мужиков и даже пятеро особо любопытных баб, которые лучше погибнут, но такого великолепного зрелища, как битва церковников с коркодиллом, не упустят.

Объятия и поцелуи были нами пресечены, от праздничного угощения отказались, с трупом ящерицы велели деревенским делать, что хотят.

Затем вернулись в город. По пути Николай подтвердил завтрашнее вече, ничего менять было не нужно.

Глава 5

Прибыл домой. У ворот на лавке сидела Доброслава. Сказал, что буду лечить после обеда. Узнал, как ее самочувствие после моего врачевания. Все было выше всяких по-

хвал. Спросил, не голодна ли она? Ответила, что уже поела, не отрываясь от работы. Всегда ест очень быстро, иначе не умеет.

Распряг лошадей, оставил их на дворе. Прошел в дом, пообедал с женой и поваром. Рассказал им, как отличился сегодня в сельской местности, охотясь на погубителя русских людей.

Забава вздохнула:

– Боялась, что он тебя просто сожрет. Надо было с тобой мне и братьям пойти.

– Ага, и еще полгорода поднять между делом, – съязвил я. – Задавили бы гада толпой!

– А говорили, что у нас они и не водятся, – задумчиво заметил Федор, – поужнее гнезятся.

– Так и есть. Этот паразит явно не в новгородском лесу уродился. Назад ехали, святой отец сказал, что тот, которого он в Киеве видел, помельче был. Ну, протоиерей, конечно не охотник, всего одного за всю жизнь и узрел, но все-таки. Встреченный мною сегодня в селе зверолов, просто при виде коркодила ужаснулся. Явно раньше он таких страшил и не встречал. И там, в других краях, эта погань стаями охотится, а наш – одиночка, по всему чувствуется. Видно, какой-то бродяга, шатун.

Немного помолчали, прихлебывая чай.

– Кстати, – вспомнила Забава, – твой мальчик недавно бересту принес со своими каракулями. Хотела почитать, да так

и не собралась.

Схватил долгожданную песенную молитву. Дева Мария, долгожданный цветок... При достаточном количестве времени поэт писал довольно-таки достойно. Для песенного текста вполне приемлемо.

– А где он сам?

– Домой пошел, отсыпаться. Сказал, что всю ночь то писал, то правил. Прочтешь может?

– Это петь надо.

Отправились с супругой в спальню. Там я взял домру, сыграл и спел с березового дара. Забава аж прослезилась.

– Ничего в жизни, лучше этой песни не слыхала! Прямо за душу берет!

Шуберт есть Шуберт. Просто так, на дешевеньких поделках, великим композитором не станешь. Повалились с полчаса, и я отправился в регистратуру. Пора сшибать пятерки!

На прощание полюбовался собой в новое здоровенное зеркало в красивом резном деревянном обрамлении, висящее на стене. Жена, похоже, на рынке выбрала самое большое.

Еще раз поразился серости своей внешности против изысканной красоты Забавы. Она против меня, как белая лебедушка против серого гуся.

По пути привязал собаку, чтобы не цапнула кого-нибудь. Порядок у регистраторши был образцовый. Никакого шума,

гама. Все чинно сидели на лавках. Никто не бродил, не ругался. Борьбы за очередность не наблюдалось. Просто идеал! Порядок прежде всего.

А то в поликлинике, пока торчишь в очереди к врачу, иной раз всю душу вынут! Три дня еще потом мысленно доругиваешься. Многие только из-за этого лечиться и не ходят.

Помню в «Скорой помощи», где я много лет подрабатывал, рассказывали историю о том, как один доктор-пенсионер, выхаживая справку о профессиональной болезни, поругался с другими очередниками, пришел домой и умер от ярких впечатлений. А так хочется сберечь свою хлипкую жизнь!

Ожидали моего появления семь женщин. Велел Доброslave больше в очередь никого не усаживать, и так сегодня наездился, повел первую на прием. Освободился только к ужину.

Ничего экстраординарного вечером и ночью не случилось.

Утром бойко вскочил, умылся, позавтракал и пошел за протоиереем. Тот уже ждал меня в Софийском соборе вместе с худеньким блондинистым юношей совершенно ангельского вида.

– Это Прокофий, пономарь. Он народ потом и обежит, соберет деньгу.

На пареньке висела большая деревянная емкость. Да, что-

бы такую заполнить, глотку надо сутки драть! И хорошо бы еще стращать паству адом за недостаточность пожертвований.

– У князя Мстислава я вчера уже побывал. Он не против любых наших действий. Вообще очень умен, всегда найдет решение любой проблемы, – сообщил Николай.

– Откуда тебе знать? Княжение же только началось. Месяца еще не прошло, как Мстислав править сел.

– Ты, видно, и сам-то в Новгороде раньше не бывал?

– Я приезжий, в Костроме раньше жил.

– Вот потому и не знаешь, что он у нас несколько лет перед Давидом княжил. Добрую память по себе оставил. Мы бы его никогда не переизбрали, но Киев назначил нам Святославовича.

Тут и моя усиленная волхвом памятьливость оживилась.

– А у Мстислава отец, часом, не Владимир Мономах?

– Да, он внук византийского императора Константина Мономаха. Потому так и зовется. А Мстислав правнук.

Значит, сегодня я увижу лучшего за 150 лет, будущего князя всея Руси, Мстислава Великого! Он оборвал все княжеские кровавые разборки, при нем в государстве за семь лет ни разу не было голода. А за двадцать с лишним лет, что он просидит в этот раз здесь, Новгород просто расцветет и расширит подвластные ему территории.

Доживу ли я, чтобы все это увидеть? Это будет не 21 век, где только и жди неприятностей для государства и народа,

обусловленных возможной сменой президента или политической ненависти нас Запада во главе с США.

А когда точно знаешь, что впереди долгие годы покоя, это, конечно, ободряет. Теперь, главное, не сложить головы при спасении человечества, и вернуться живым из этого увлекательного путешествия.

Мощная память подала еще один факт: в 1095 году Мстислав женился на дочери шведского короля Кристине, которая нарожала ему потом четверых детей. Интересно, с какого месяца историки берут отсчет календарного года? Вся Русь и Европа считают с марта, вольнолюбивый Новгород с сентября. В зависимости от этого 1095 год или только начался, или уже в половине. Спросил собеседника:

– А князь холост?

– Уж несколько месяцев, как женат. Взял шведскую королевишну Христину.

Значит, идем по общерусскому стилю.

Мы уже вышли на площадь возле собора. Народ толкался самый разный: степенные бояре, горластые купцы, большие любители помахать руками – ремесленники, просто какая-то рвань и гопота, определить занимаемое положение которой в местном обществе было невозможно – в общем, пришли все, кому было не лень.

Мы прошли сквозь толпу легко. Многие нас знали, особенно меня, остальные расступались перед церковниками, которых сразу было видно по одежде. Остановились возле

начальственного кресла.

Князь со свитой подошел чуть позже. За это время мне объяснили, что вече нынче будет коротким, насущных вопросов мало, и народ, в основном, пришел полюбоваться своим любимцем, которого год уж как не видел.

Мы вступим по команде ближайшего княжьего приближенного боярина Богуслава по окончании дебатов на сходке. Тут-то и начнется наше время говорить и петь.

Мстислав оказался стройным молодым красавцем со слегка завивающимися светло-русыми волосами. Небольшая борода и лихо торчащие в стороны усы были немного рыжеваты. Очень красили его нежно-голубые большие округлые глазищи, озаренные каким-то внутренним живым блеском. Чувствовалась недюжинная внутренняя сила. Он уверенно сел на столь привычное для него кресло.

Увидев вместо нелюбимого киевского ставленника свою надежду и опору, новгородцы взревели, высоко вверх полетели шапки. Слышались многочисленные выкрики:

– Наконец-то наш вернулся! Еле дождались! Слава богу!

Равнодушных не было. Такую всенародную любовь Россия проявит только к Сталину, через много-много лет. А сейчас, как это у великого поэта и драматурга, а заодно дипломата, композитора и пианиста Александра Сергеевича Грибоедова в его знаменитом, растащенном на цитаты произведении «Горе от ума»:

Кричали женщины: Ура!

И в воздух чепчики бросали...

Правда, женщин среди нас не было, а так сходство полное. Вспоминается еще, при взгляде на нашего молодого спутника Прокофия, обращение Фамусова к постоянно козыряющему обновками Петрушке оттуда же:

Читай не так, как пономарь,

А с чувством, с толком, с расстановкой...

Хотя наш-то, судя по старательному выражению на лице, читает так, как надо, старается.

Отшумев вволю, вече началось. Вначале писец вычитывал с бересты о предмете обсуждения. Затем представители разных точек зрения излагали по очереди свою позицию. Потом предлагалось обсудить все это и проголосовать.

По первым двум, совершенно рутинным вопросам особых разногласий не было. Поговорили, немножко пошумели, решили. А вот третья тема задела людей не на шутку, и понеслось!

Заспорили. Затем заорали, хватая друг друга за грудки. А потом началась массовая драка. И-эх! Раззудись плечо, размахнись рука! Седобородые купчины бойко вламывали оборванцам посохами по голове, те хватали их за объемистые бороды. Бояре каким-то чудом устранились от этого праздника жизни. Может быть, просто потому, что тема сегодняшнего обсуждения их напрямую не касалась?

Я, конечно, много драк повидал благодаря кинематографу, изобретенному братьями Люмьер, но они были все-та-

ки другими: массовость в них редка, такого, чтобы боролись две партии народа без каких-нибудь мечей в руках, тоже не увидишь.

Обычно вся нанятая главным врагом или спецслужбами, толпа бросается на суперобученного главного героя, и он разбрасывает их с привычной легкостью и быстротой, задерживаясь только на последнем, аналогично обученном противнике. Вот с тем приходится повозиться!

Во-первых, основного персонажа что-нибудь лишает части боевитости: ранение руки или ноги, он частично связан, магическое или иное вредоносное, типа яда, воздействие, ослабляет невиданную силу, скорость реакции, зрение; запрет на использование части приемов разными табу или клятвами; неравноценность положения: враг сверху, иной раз в управляемом его злой волей и ловкостью умелых ручек полете; иной раз наносит удар из-за угла, внезапно сбрасывая личину друга или сочувствующего, любящей от всей души женщины.

Во-вторых, идет защита гада оставшимися бойцами из массовки (которые в реальной жизни, а не в кино – мастера рукопашного боя, у китайцев – чемпионы небольших, по 20-30 миллионов человек, провинций по ушу или кунг-фу), чудом уцелевшие от первого броска через бедро.

В-третьих – вражина применяет разнообразные подлейшие трюки, которым нет оправдания в глазах порядочного человека и приличного, с выраженным чувством чести, по-

единщика: подкрадывается со спины, пытается ударить мужчину между ног, прыгает сверху и еще много, много всего.

Четвертое – наличие оружия против безоружного симпатяги. В ход идут копья, палицы, сабли, сияющие мечи, луки и арбалеты, огнестрелы всех видов, очки ночного видения и прочее, изобретенное за тысячи лет человечеством, против других людей, зверей, птиц или инопланетян.

Всяческое оборудование для иной деятельности: строительные и водные пистолеты, дрели, бензопилы, в общем, все, что есть под рукой, тоже имеет место быть.

Чтобы извести врага, применяются различные нетипичные штуки. Американцы, например, любят пришибить врага окончательно электричеством.

И последний подлый финт негодяя – прикрыться жизнью заложника, ребенка или девушки. В общем, мышление мерзавца так же оригинально, как и у сценариста.

Вдобавок, в фильме всегда четко осознаешь: играют нанятые люди, профессионалы этого дела ставят им трюки. После съемки они все мирно пойдут по домам к своим мишкам и зайкам, кушать и попивать кто-что: чай, кофе, виски, бренди, водку. Если кто-то, не дай бог, пострадает, это ЧП! Об этом пишет пресса и показывает телеящик.

А тут – дерущиеся, реальные и живые, травмы настоящие, которых сейчас и не чувствуют в горячках, а вот потом так заболит, что аж заохаеть или взвонит. Могут второпях и убить между делом. А искать виновных в страшном злодействе ни-

кто и не будет – дело-то житейское, обычное.

Эта разница чувствовалась и в кинематографе далекого будущего: фильмы очень четко делились на художественные и документальные, и первые частенько имитировали вторые. А такие драки я, в реальной-то жизни и не видывал, вырос уже не в то время.

Мне говорили, что лет за десять до моего рождения, ходили драться район на район в Костроме. Потом советская милиция, не мудрствуя лукаво, всех заводил просто пересажала.

Мой родной дедушка любил драться с парнями бабушкиного села и этим был очень славен. Видимо, от души старался, чтобы моя мама, а потом и я, появились на свет. И за это ему – колоссальное спасибо!

В царское время просто было принято по выходным даже и в городах биться стенка на стенку. Сейчас в Новгороде самая значительная схватка – на мосту через Волхов, между Софийской и Торговой сторонами, которая никем не осуждается, и ей не чинится никаких препятствий ни со стороны властей, ни со стороны церкви, ни от родственников дерущихся.

Это, видимо, идет с тех давних пор, когда воинов-профессионалов еще не было и на защиту своей земли вставляли все мужчины, от мала до велика. Надо было заранее привить им навык держаться плечом к плечу, и не бояться неизбежных в этом деле травм.

Собственно, и русские народные танцы для мужского пола, произрастали тоже от того же корня. Все эти присядки, махи руками от плеча и обеими ногами от бедра в прыжке, очень быстрое вращение вокруг собственной оси и движение колесом, опираясь на собственные конечности, — это вам не хороводы водить!

У девятнадцатилетнего князя при виде этой народной забавы, видимо, кипела кровь в жилах от желания тоже принять участие в бойцовском танце. Он даже начал подпрыгивать и ерзать на своем переносном деревянном престоле. Ближайший к Мстиславу седобородый боярин, понаблюдав за княжескими ужимками и прыжками, и приставленный, наверное, Мономахом-отцом следить за порядком, решительно подошел к нам и велел начинать.

Мы подобрались. Пономарь перестал зевать. Народное действо ничуть его не увлекало, и не возбуждало. Я взялся перебирать струны у домры и вспоминать стихотворный текст. Но странное дело, пошло пять минут, потом десять, а команды от непосредственного руководства так и не поступало.

Посмотрел на Николая: бледный, губы трясутся и шевелятся. Господи! Он же испугался! Странные все-таки существа люди.

Человек, который свою смелость за время нашего недолгого знакомства показал три раза, а за всю жизнь и не знаю сколько, струхнул проговорить несколько слов перед толпой

сегодня. Протоиерей дерзил епископу, пытаясь возвести своего покойного учителя в ранг святого, прекрасно при этом понимая, что строгий приезжий начальник может заслать его самого на такие выселки новгородской земли, в захудалую церквушку, от которой при нужде до города за три дня не доедешь. Не испугался ничуть.

Потом изгнал из боярской дочери беса, прекрасно зная, что от нечистого духа, при этой процедуре жди любой гадости. И не думал бояться.

Вышел против здоровенного пресмыкающегося с одной рогатиной – никакой бледности и тряски, – и это без всякого охотничьего опыта. Конечно, можно было бы подумать, что он положился на тертого меня, но церковник был заранее предупрежден, что я такую гадость в жизни и не видывал.

А рассчитывать в таком страшном деле на малознакомого человека просто глупо. У меня было, что и человек, которого я считал другом в прежней жизни, шуршал по кустам, пока я бился с напавшим на нас каратистом. А протоиерей совсем не дурак, далеко не трус. И вдруг сник.

Аналогичная история, правда, произошла и с бывшим атаманом ушкуйников Матвеем, имевшим даже среди них дерзкое и отнюдь не ироническое прозвище – Смелый. Он сейчас на нашей с ним лесопилке доски пилит, работает. Но того подкосила большая первая любовь. Да, неисповедимы пути Господни!

Надо было спасти положение и без участия руководства.

Я вышел вперед, вскинул вверх правую руку и заорал во всю мощь своего голоса:

– Тихо!

Площадь довольно-таки быстро стихла и перестала драть-ся: а вдруг любимый князь что-нибудь важное скажет? Сегодня не дождетесь!

Кратко описал будущее строительство каменной церкви. Особо подчеркнул, нагло пользуясь всенародной любовью к Мстиславу, что это его идея и он будет за стройкой присматривать. Тут же пожаловался на недостаточность финансирования и попросил от своего имени помощи у новгородцев. Толпа одобрительно загудела:

– Поможем! Князь доволен будет! Не посраим землю Новгородскую!

Видимо пора. Постарался выставить голос, усиленный ве-дуном, под мальчишеский, еще не сломавшийся голос, пыта-ясь добиться волшебного эффекта, как у Робертино Лорет-ти. Голосок колебался между дискантом и альтом. Женщи-ны так нежно петь не состоянии – уходят в грудной регистр. Им не дано сравниться в этом с мальчиками.

И над площадью плыл мой, по-новому великолепный го-лосище. О, мать Мария! Многие плакали. Время у них бы-ло. Я на всякий случай объединил два текста, полученных от нашего поэта Ярослава.

Решил, что посмотрю на реакцию аудитории, и решу по времени исполнения. Она была такова, что пришлось доба-

вить и третий, с моей точки зрения, не очень удачный вариант. Но, как говорится, на вкус и цвет товарищей нет. Прошло при полном молчании аудитории. Народ не возился, не переговаривался, вроде даже не кашлял.

Закончил. Стал ожидать реакции присутствующих.

Они взревели секунд через пятнадцать-двадцать. Время благоприятствовало сбору урожая. Подтолкнул заплаканного пономаренка:

– Иди, поработай, пособирай деньги.

Протоиерей меня даже обнял.

– Спасибо! Большущая тебе благодарность за помощь! Как все было вовремя сделано! И как умно ты все сказал! Князя очень к месту упомянул. А я, не поверишь всю силу неожиданно растерял, совсем ослаб. Какое-то странное чувство испытал.

Называемое народом страхом, подумалось мне, тебе раньше и неведомое.

– Бывает и хуже, – заметил я. – Другие при этом состоянии и прячутся, и бегут. Иностранцы его зовут фобией.

Николая это псевдомедицинское заключение успокоило вполне.

Тут к нам вновь подошел седобородый. Голосом человека, привыкшего повелевать и не терпящего отказов, scomандовал:

– После сбора денег – к князю.

И гордо удалился, полный величия и гордости. Боярин,

однако, это вам не какие-нибудь там хухры-мухры!

Наш паренек все увеличивал бюджет строительства кирпичной церкви. Народ слова кирпич еще не знал, мог впасть в ненужные сомнения. Поэтому в моей речи звучало каменная. Ну, скоро оценим стоимость моего пения.

– А что-то голос у тебя стал какой-то другой? Теперь всегда таким выводить будешь? – поинтересовался протоиерей.

– Понимаешь, у меня особый дар его изменять. Такой талант бывает, но редко у кого. А сочетания с большой силой голоса, этаким мощью, вообще почти не встретишь.

– Слушал как-то такого скомороха в Киеве на торге. Пел на самые разные голоса и за мужчин, и за женщин. Но не очень мощно, твой голосище зримо сильнее.

Видя, что Прокофий заканчивает обход народа, я громко объявил:

– Кто захочет добавить денег на богоугодное дело, с завтрашнего дня в Софийском соборе этот русоволосый послушник продолжит прием монеты. Фамилии людей, внесших особо крупные пожертвования, будут записаны на особом пергаменте, а затем выбиты на гранитной доске с указанием положения дарителя в Великом Новгороде. Государь лично решит насчет дальнейшего расположения камня в новой церкви. А за всех дарителей помолится сам епископ Герман и наш славный князь Мстислав, потомок византийских императоров!

Толпа опять взревела.

Вернулся наш пономарь, принес почти полную емкость денег. Зря я сомневался в готовности новгородцев к пожертвованиям. Протоиерей велел ему быть после обеда, пока отпустил.

А мы прошли в келью Николая. Он весело сказал:

– Слава Богу! И деньги есть, и перед епископом отчитываться не надо. А то он, гнусный зануда, всю душу вынет! – Передразнил дребезжащим голосом: – Целый гвоздь лишний купили, кхе, кхе, кхе... Только нудить будет: зачем про меня сказали, кто позволил.

– Не посмеет, – объяснил я. – Это все равно что на весь город заорать: не хочу я за вас молиться! Великий Новгород такого не простит и не стерпит – враз вышибут в родной Киев!

– Вроде, как он новгородцам погнусил бы в лицо: – плевать я на вас хотел, кхе, кхе, кхе..., – опять симитировал манеру говорить начальника протоиерей.

Жалко, я Германа никогда не видел и не слышал, сравнивать было не с чем. Наверное, очень похоже.

– А что князь, – опять затревожился Николай, – доволен ли твоими речами будет?

– Разумеется. Ему на таком месте, да после года вынужденной отлучки, добрую славу опять нарабатывать нужно. А тут: ни рубля не вложил, палец о палец не ударил, а слава уже впереди него бежит. – Симитировал простонародный говор: – Наш-то князь слышал? А чо? А ни чо! За каждого из

нас молится и церкви сам, без всякого боярства строит! Набожный, видать, страх какой! А то!

Протоиерей задумался. Потом сказал, перед этим пожевав губами.

— Эх, какая у тебя золотая головушка! Как ты все видишь вперед и знаешь! И такая голова для русской православной церкви потеряна! Сейчас невесть чем занят, потом уйдешь неведомо куда и зачем. Да мы с тобой вдвоем в этой епархии горы бы свернули! Но ведет тебя Господь по другому пути... Может и верно, твой поход весь мир спасет? А я тут с этими старыми козлами вместе bleю! Возьми меня с собой! Я не помешаю — лошаденку и деньги враз найду, в бою не струшу, не побегу!

Воистину святой человек! — подумалось мне. И мне бы при нем поспокойнее было. Но вынужден буду его тут оставить. В тех раскладах, что мне волхв дал, протоиерея, к сожалению, не было. А он, в истолковании божественной воли и предсказаниях будущего, никогда не ошибается. Не взыщи, святой отец, не я тут решаю, а высшие силы. Все уже предопределено, Николай, тебя нет в списке участников экспедиции. Видно, черного волхва, как и каркодила, твоей молитвой не изведешь, и с нашего пути не сдвинешь. Объяснил это протоиерею, как сумел.

Потом отправились в княжеский терем, поставив для охраны предварительно запертой двери двух мощных монахов, вооруженных секирами.

– Надежные мужики, – заверил церковник. – У них тут муха не пролетит! Всегда казну караулят.

Князь принял нас сразу, ждать полдня не заставил. Отослал дьяка с пергаменатами, которые тот подсовывал на подпись.

– Иди, иди. После обеда придешь. – Здравствуйте! – Это уже нам. – Замечательно все организовали! А чего ж поп-то слово не сказал?

И недоуменно поглядел на Николая. Тот стал красным, как вареный рак. Пора было выручать напарника. Ему дурная слава ни к чему, епископ зажрет окончательно.

– Мне как певцу, княже, все равно было выступать, попросился заодно и словечко за церковь замолвить, сам строить буду.

– Неужели? А я думал, твое дело маленькое – отпел и в сторонку.

– Мы кирпич делаем, и стены класть умеем. Кирпичникам есть-пить надо, а другого дела они и не знают. Продать изделие в Новгороде пока трудновато, без этого заказа они голодать опять будут. Народ кирпич вообще не знает, думает, что Софийский собор из известняка выложен, а это очень дорого.

– Ну, ты-то с таким голосом, не пропадешь!

– Я – да, а ребят жалко. У меня такой сильный голос недавно, а до этого тоже жил не богато, бродил со скоморохами.

– А я думал, струхнул поп, – вернулся к прежней теме

Мстислав, – испугался дерущейся толпы.

– Он вчера на коркодила с одной рогатиной пошел.

– Убил?

– Убили, я тоже там был.

– Думал и не водится этот зверь в здешних лесах.

– Забежал откуда-то. Хорошо, что не стаей зашли. Штук пять мы бы вдвоем не осилили.

– Охотники бы помогли.

– Местные звероловы этих чудовищ боятся. Тамошний с нами на такую охоту и не пошел – испугался.

– Мои бы дружинники пошли!

– Крестьяне подошли к твоим людям помощи просить, им отказали.

– Кто посмел, почему мне не доложили!?

– Этого не ведаю (в мыслях вертелась гадостная мыслишка – крикнуть: – Кроме седобородого – некому! – которая была тут же пресечена. Не пойман – не вор). После, селяне, с этой же просьбой обратились к епископу Новгородской земли. Тоже отказ. Тогда и пошел протоиерей Николай, а с ним и я увязался.

– А для чего ты сказал про дальнейший сбор денег? Давали-то, вроде бы, от души, с чего добавлять-то будут?

Князь уже успокоился. Замечательно здоровый психотип! Другой взбесится, не уймешь. А ему минуты не потребовалось, чтобы опять в ясность ума прийти. Вот таким и должен быть правитель земли русской.

– Думаю, государь, не у каждого была с собой требуемая сумма. Не за покупками шли, а обсуждать проблемы города. Пожертвования на церковь людьми не планировались. Опять же, в толпе, наверняка, воря было немало. Срежут мошну во время споров, ахнуть не успеешь!

– А ты голова..., – опять же особо щедрым дарителям – почет и уважение от сограждан – протянул задумчиво Мстислав. (Респект и уважуха, как молодежь в 21 веке говорит, подумалось мне.) – В церковные дела вникать не буду. Со своими нерадивыми сегодня же разберусь. Вы с протоиереем – молодцы! Без всякой команды пошли, и помогли людям избавиться от лесной напасти. А как убили-то все-таки ша-туна этого?

Тут вступил Николай, и подробно изложил все перипетии дела. Князь внимательно выслушал, иногда задавая уточняющие вопросы. Потом сказал:

– С этим все ясно. Ты, поп можешь идти, своих поди дел полно. А ты присядь и расскажи, как к тебе такой женский голос пришел?

Протоиерей, обрадованный избавлением от казавшегося неминуемым позорища, убежал. Я устроился поудобнее на дубовой скамье и начал.

– Голосок у меня всю жизнь был не очень. Приятный, но довольно-таки слабенький. А в ту пору пришлось зарабатывать на жизнь пением. Вдруг почувствовал в себе странные способности обратился к ведунам. Начал учиться.

– У них же семейственность, других не учат!

– Это все народные байки. Берут не родственников, а только тех, кто после обучения будет способен людей лечить.

– И ты можешь?

Скромничать было ни к чему – вдруг ему или его близким понадобится.

– Считаюсь лучшим в городе. Все новгородские бояре и их семьи только у меня лечатся. Единственный из всех ведун-нов посещаю больных у них на дому, лечу детей, берусь за болезни, которые другие не могут даже облегчить.

– Говорят, недавно появился ведун, который только баб лечит. Может он тоже сможет самые мерзкие болячки убрать?

Я вздохнул.

– Боюсь тебя огорчить, государь, но женщин за пять рублей, все тот же певец пользуется, что перед тобой сейчас сидит.

Он захохотал буквально через мгновение. Да, изрядный быстромысл. За это зауважал его еще больше. Не люблю туповатых, которым каждую мысль приходится разжевывать. Вот это князь! Быстр, умен, нервы в абсолютном порядке, очень внимателен к мелочам в любом деле, может озаботиться проблемой людей в каком-то далеком селе. Явно взыщет с нерадивого в своем окружении. Плюс – еще и красавец. Тот его так любят новгородцы!

Просмеявшись, Мстислав отбросил волнистую прядь русских волос ото лба, и спросил:

– А почему голос такой девичий, когда поешь? Говоришь ведь обычным.

– Его я могу сделать каким угодно. Ведун, пока меня учил, по ходу дал ему и силу, и эту не совсем обычную способность.

– Ой ли? – не поверил князь.

И я запел. Начал с высоких дисканта и альты, а закончил низким басом. Потом перешел на женские варианты, отпел их тоже все. Для каждого варианта брал по одному куплету из разных песен. Классики набрались от обладающего великолепным баритоном отца, очень любившего петь, вечная ему память!

Остальное набрал из услышанного по радио, телевидению, с магнитофонов и прочей техники. Несколько раз побывал в опере.

– Здорово! – восхитился государь. – А вот про Леля можешь полностью спеть?

На «Снегурочке» Римского-Корсакова, я даже побывал в театре оперы и балета. Билет выдали в школе, когда учился в шестом классе. Самым ярким впечатлением от спектакля осталось эмоциональное впечатление от взрыва прожектора, висевшего высоко с левой стороны зала. Как мы орали и махали руками! Я, хоть и сидел справа, кричал громче всех. Отшумели, намахались, дослушали.

И сейчас услужливая, усиленная волхвом Добрыней до абсолюта, память выдала третью песню Леля в полном объ-

еме. На ней мною было показано меццо-сопрано.

Я запел тем же голосом о том, как девчата подались в лес по ягоды, но по непонятной причине разбрелись с ребятами по кустам. Припевом идет: Лель, мой Лель, мой лели лели, Лель.

Внезапно ворвалась очень молодая девушка. Она еще от двери начала кричать по-шведски злые слова. Язык этот я уже знал в совершенстве. Кудесник подарил способность разговаривать на любом наречии, как на родном, после двух-трех сказанных при мне фраз. Звучала ее гневная филиппика по-русски примерно так:

– Какая баба тут тебе поет, грязный негодяй!? Ты же клялся, что я у тебя всегда буду одна!

И это вялые и флегматичные скандинавки! Вот что дикая и необузданная ревность делает с бывшей шведской принцессой. Мстислав при виде жены вскочил с трона:

– Крися, Крися, успокойся...

Она буйствовала по-прежнему.

– Мерзкий ублюдок! Показывай ее немедленно! Где ты ее прячешь?

Ну, прямо берсерк какой-то, только в женском обличье. Пора было вмешиваться, чтобы не было неприятностей у будущего светоча земли под названием Русь. Не торопясь тоже поднялся. Очень внятно сказал на великолепном шведском:

– Приветствую тебя, моя королева Кристина! Рад тебя видеть! Это пел недостойный я – и ткнул себя пальцем в грудь.

Рты молоденькой девушки, и вбежавшей за ней следом на-персницы средних лет, округлились. Затем они, перебивая друг друга, затарахтели без всякой субординации:

– Ты не можешь так петь, ты же мужчина! Наш, швед? Как сюда попал?

Государь озирался, переводил взор своих ясных очей с одной на другую, слабо понимая такую быструю речь.

– Я русский, могу петь разными голосами. Ваш язык выучил на рынке, беседуя со шведскими купцами с Готского двора. Дамы переглянулись.

– Мы тебе не верим! Спой как женщина!

Это всегда пожалста. Начал петь, как женщина, закончил, как мужчина.

– А купцов на рынке, как звали? – проверяли дальше.

– Олаф и Андерс.

– Женщины точно нет?

– Хоть все общите!

Вроде поверили.

– А ты наши, шведские песни знаешь?

Немного подумал. Даже знаменитая шведская группа «Абба» пела по-английски.

– Нет, не знаю. Но, если споете, сразу запомню.

– Полностью?

– Полностью.

– Не может быть!

Я аж зевнул, утомленный монотонностью общения. Не ве-

рим, не может быть, ты не можешь... Как же мифическая вера в пресловутое мужское превосходство, которую женщины так охотно нам демонстрируют, когда хотят перевалить на наши плечи какую-нибудь неприятную обязанность?

Поняв, что перешкаливают, наконец-то запели «Три друга». Закончили. Что могу сказать, музыка веселая, текст с древнешведским юморком. Видя, что стою молча, спели «В нашем доме». Опять замерли.

Мне это общение с женским полом изрядно надоело. Пора идти деньги изымать у церковников, и начинать организовывать постройку второй каменной церкви в Новгороде Великом, а здесь заканчивать.

Привычно перекинул домру из-за спины и начал. Пропел каждую песню по-разному: о парнях, которые пытались много съесть, привычным баритоном, балладу о доме отработал, как женское колоратурное сопрано. Бабы увлеклись, и к концу ближе, мы уже пели все вместе. Княгиня с наперсницей увлеклись, чувствуя себя, как дома в родной Швеции, и были готовы петь хоть до вечера, но меня это времяпровождение увлекло гораздо меньше.

Поклонился, сослался на усталость и на этом спевку закончил. Княгиня фыркнула, и унеслась вместе с челядинкой. На родине при дворе у папаши, принцесса отказа, видимо, не ведала. Придворные викинги, наверное, сразу лишали дерзкого лишних частей тела, в основном, головы. Но здесь не Швеция, тут климат иной – свободный торговый город,

где власть князя несколько ограничена. Я начал прощаться с Мстиславом.

Глава 6

Вдруг ворвался какой-то бритый длинноволосый мужчина средних лет, тащивший на плечах двух стражников, и начал что-то орать по-немецки. Мне, как обычно, его речи стали ясны после первых двух фраз:

– Доннерветтер! Русиш траслятор швайн! Мой сын умирает, а позвать лекаря некому! Эта русская свинья-переводчик пьян, как собака! Мы все на этом варварском языке не говорим! Наш толмач умер в дороге, а Вилли все хуже!

Князь, похоже, немецкий знал, но не очень уверенно, типа, как после обычной советской школы. Поэтому неуверенно начал:

– Герр Фридрих... – и замер.

Пора было показать активную жизненную позицию. Поэтому продолжил княжескую речь, но более уверенно:

– Герр Фридрих! Я врач, я помогу!

Немец пролаял:

– Наш? Из Дойчланд?

В их языке нет слов немец, немецкий. Это русские выдумки, идущие от термина немой, то есть не знающий главного языка всех времен и народов. А наши, в это время, всех западных иноземцев звали немец. Вот еще их делить на шведов, англичан, французов и итальянцев. Немцы-иноверцы, общее вам имя!

Уважил гостя, гавкнув в ответ:

– Русский! Много лет лечу людей, лучший врач города!

Немец сразу успокоился – контраст между мной и постоянно пьяным толмачом был очевиден. Конечно, жаль, что не соотечественник, только они по-настоящему знают дело, но за не имением гербовой, пишем на простой.

Мстислав в это время движением руки отослал дружинников дальше караулить, и с интересом слушал нашу беседу.

– Скорей к Вилли!

– Сейчас доложу князю и пойдем.

Получил разрешение государя, и мы понеслись.

Мальчик, лет четырнадцати, гнулся от боли в животе на кровати. Острый гнойный аппендицит, смертельная до 18 века болезнь. Слава богу, аппендикс еще не лопнул, и в запасе было еще несколько часов. Но как лечить это без операции? Помочь-то помогу, но он будет всю жизнь гнуться от боли в правой паховой области.

Фридрих, видя мое помрачневшее лицо, стал голосить, что денег за лечение не пожалеет, за жизнь ребенка ничего не жалко. Оборвал его, поставив перед дилеммой: либо парнишка будет прибалывать всю жизнь, или сделаем операцию, от которой Вилли либо выздоровеет, либо умрет.

Любящий папаша затруднился с выбором. Потом решил свалить ответственность на сына, уже достаточно с немецкой точки зрения взрослого.

– Ты все понял, Вильгельм?

– Все ясно, папа.

– Как, думаешь, надо поступить? Мне очень важно твое мнение.

Молодой задумался. Мыслил минуты три. Потом поднял на меня светло-серые, как у папаши, глаза и спросил, велик ли риск.

Люблю немецкую точность и обстоятельность! За то, что я практически никогда и никуда не опаздывал, если не случилось чего-нибудь форс-мажорного, имел кличку немец. Вот и эта нация, без подобных качеств, лучшую машину 21 века не сделала бы. Ответил поставленному перед нелегким выбором юноше, что вероятность смертельного исхода невелика, но ее следует учитывать.

– А сильно будет больно?

Способность убирать физические муки у больного тоже была получена от волхва Добрыни.

– Чувствовать будешь какую-то возню, но совершенно безболезненную.

Решение сделать операцию, молниеносно было принято. Видимо, только это обстоятельство – необходимость терпеть муки, смущало отрока. К риску смерти он относился спокойно.

Занялся подготовкой к аппендэктомии. Фридрих вместе со мной отправился на закупку всего нужного. Я брал, он платил.

Купили особо острый нож для резания шкур животных

вместо скальпеля; чурочку вместо расширителя, на которой деловитый столяр тут же вырезал необходимые углубления; здоровенный лоскут льняной ткани, который потом нарежем для обработки и просушивания операционного поля; ножницы, кое-что по мелочи, в том числе пять игл (вдруг какие поломаются – местное железо оставляло желать лучшего) для зашивания разрезанных тканей. Конечно, остро не хватало зажимов, а бежать для изготовления к ювелирам времени не было. Что ж, ухвачу просто рукой.

Как антисептик, прихватил настойку зверобоя на водке. Вместе истребят любую заразу.

Трудности были с операционной нитью. Никаких искусственных нет и в заводе. Шелковой тоже не видно, да и возня ее потом снимать. И вдруг увидел кетгут! То, что надо! Как раз нужной толщины и рассосется потом сам, точнее, молодой организм Вилли его рассосет. Взял с запасом.

Вернулись в княжеский терем и начали подготовку к операции. Тщательно протер и положил в настойку инструменты и кетгутовую нить.

Переставили в центр комнаты с Фридрихом (он всюду норовил подсунуться сам, хотя слуга отирался поблизости) здоровенный стол – на кровати будет крайне неудобно, застелили его чистой простынкой.

Брить живот было еще незачем – не обволосател еще молодец. Идею приподнимать ножной конец тоже отверг – нет достаточного обоснования.

Я не полостной хирург, а оперирующий травматолог, но за дело взялся уверенно. Такую операцию делал всего два раза еще в интернах, но неоднократно видел, как делают другие. Абсолютная память помнила абсолютно все, каждую мелочь.

Хорошенько отмыл руки мыльным корнем, прополоскал во взятой с запасом настойке. Выгнал всех лишних. Отец парня уходить отказался. Ну и бог с ним, вдруг чего подать понадобится.

Вдел по нити кетгута в каждую иголку. Нарезал ткань нужными кусками. Операционной медсестры у меня нет, а во время операции возиться с этим будет просто некогда – все надо сделать очень быстро.

Пациенту отключил все болевые ощущения, душу залил покоем и уверенностью в благополучном исходе. Полюбовался умиротворенным выражением его лица.

Предупредил, чтобы не таился и не терпел стоически, если вдруг плохо себя почувствует: закружится голова, затошнит, начнется сильное сердцебиение, а сразу сообщил мне. Анестезиолог ниоткуда не появится, а хирургу за всем не уследить. Собственно, для этого и оставил подростка бодрствующим. Отогнал немца подальше от стола – нечего тут длинными патлами трясти, разносить чужеземную инфекцию по операционной. Можно было начинать.

Ну, с богом! Обработал операционное поле настойкой, сделал разрез по Мак-Бурнею, просушил его тряпочкой, уверенно залез туда рукой, вытянул червеобразный отросток

толстой кишки.

Внезапно поплохело Фридриху – привычки-то нет на такие вещи глядеть. Правда не упал, сам плюхнулся задом на скамью. Сильно побледнел. Извини, иностранный гость, не до тебя.

Быстро перевязал аппендикс кетгутом, отсек его ножом, бросил в таз под столом. Обработал и прижег все тем же зверобоем оставшуюся часть.

Ничего не кровило, Вильгельм, в отличие от папаши, оставался совершенно спокоен. Арийский дух!

Проверил – выпота в брюшной полости нет.

Заправил кишечник назад, и взялся не торопясь, по-нашему, по-немецки, очень качественно послойно зашивать. Закончил. На все про все ушло двадцать минут.

Спросил пациента о самочувствии. Все было хорошо.

Позвал из коридора, ошивающегося там без дела слугу, велел полить мне на руки. Этот оказался покрепче хозяина, не проявил никаких лишних эмоций.

Спокойно поглядел на мои окровавленные руки, и без всякой дрожи в руках, и ненужной бледности, взялся деловито лить воду. Потом, не торопясь, подал полотенце. А горячиться и не надо!

Дядька был уже пожилой, явно повидавший разные виды на своем нелегком веку. Деловито осведомился, не надо ли чего еще для меня и молодого господина.

Велел поискать еще людей для переноски пациента в по-

стель, вставать тому пока было нельзя категорически. Через пару минут пожилой привел еще одного слугу, перенесли Вильгельма прямо на простыне. Поднимать Вилли можно будет часов через пять – шесть.

Фридрих все еще был под впечатлением от увиденного, и сидел, отпыхиваясь. Этак еще с этим будешь до вечера возиться!

Подозвал слугу, спросил, есть ли в наличии спиртные напитки. Шнапс был. Хозяин любит выпить рюмку на ночь. велел организовать привычный вариант приема горячительного для него и для уставшего меня.

Отрока пока усыпил, чтобы тот часа три не рвался вставать, и не просил пить или есть.

А мы с Фридрихом пересели за накрытый свежей скатертью операционный стол. Иноземец был еще какой-то очумевший от пережитого. Вспомнился давний для меня и будущий для них анекдот: а ты думал, сынок, мы тут мед пьем? Работа хирурга не легка и далеко не всегда высокооплачиваема.

Слуга бойко натаскал шнапса и закуски. Немец, по привычке, хотел было налить по чуть-чуть, но был безжалостно пресечен здешним основоположником аппендэктомии. Некогда мне тут с тобой целый день валандаться! Безжалостно набулькал русский вариант – по сто граммов каждому, и беспощадно заставил выпить снадобье от стресса. Фридрих, с непривычки, аж закашлялся и выпучил глаза. Ишь, как

пробрало-то иноземца! Закусили, повели неспешную беседу.

Он оказался купцом из немецкого города Анклам на реке Пеене, притоке Одера, пришел с товаром на трех судах для заключения договора о торговле и продажи изделий своих ремесленников. Лавры шведов не давали покоя германскому купечеству, – учуяли дойную восточную корову, – подумалось мне. Вот с какой древности это все идет: от нас сырье, от них шедевры производства.

А через полтыщи лет, при Петре Великом, оседлают полностью и науку, и медицину, и офицерство, станут основоположниками многих дворянских родов. И потом, со времен Екатерины Второй, расселятся по Поволжью и доведут свою численность к перестройке-перестрелке до миллиона человек. Даже после отъезда на родину предков плохо знающих немецкий или вообще знающих один русский язык фольксдойче, их в России в 21 веке останется полмиллиона. Плюс немало и в Казахстане. Глубоко пустила корни честная и работающая, уважаемая всем миром нация!

Добавили еще по чуть-чуть, немножко посидели. Дал заключительные на сегодня врачебные рекомендации: Вильгельма поднимать и кормить только завтра. Описал вкратце стол № 1 по Певзнеру. Не велел поднимать тяжести в ближайшие два месяца. Содрал денег, пообещал навещать, и горделиво удалился. Русские идут!

Зашел в Софийский собор. Недавно узнал, что собор – это

наличие в хозяйстве мощей святых. А нет их в заводе – это просто церковь.

Протоиерей уже все пересчитал, записал и упаковал в мешочки, которые сложил в изрядный по величине сидор. Взял в руки учетную бересту. Рубли, золотые динары, серебряные дирхемы, причем иностранных денег даже больше, чем русских. В поход к Черному морю и в Азию надо арабских, привычных для местного населения монет, понабрать побольше, потому что как будут брать наши рубли, еще неизвестно.

Вскинул мешок на плечо, отказался от сопровождающих, и бодро зашагал в сторону дома. Вдруг увидел стоящую ко мне спиной Забаву, ласково беседующую с двумя парнями.

От невероятной и нехарактерной для меня ревности вскипела кровь в жилах. Я тут пытаюсь заработать на жизнь из последних сил, а она с неведомыми мужиками веселится! Молодцев просто поубиваю, жену буду держать в черном теле до конца жизни! Не брошу ни за что! Не дождется она этого никогда! Не дам вести разгульную и порочную жизнь.

Навострил уши с усиленным волхвом слухом. Зазвучал хриплый мужской голос.

– Ты, девка, не вздумай отчудить чего: попытаться убечь, или начать орать – свернем башку, как куренку!

– Ой боюсь, боюсь, дядечки, – куражилась моя радость.

Вздохнул с облегчением – богатырка просто забавлялась. Близились расправа, примерно, как над медведем. Но если хоть один гаденыш схватится за нож убью сразу обоих. Ми-

лосердного и гуманного суда не будет, незачем им жить тварям!

Наконец супруге эта игра надоела. Она ухватила насильников за воротники, подняла их, как котят, и от души так толкнула лбами, что аж хруст пошел! От впечатлений и невиданной женской заботы мужики сомлели, глазенки закатились. Хорошо, что еще не завыли, как попавший под раздачу к Забаве мишка косолапый.

Моя радость заметила меня, налетела ураганом, стала обнимать и целовать.

– Я тут тебя невесть сколько жду! А ты пропал и не появляешься. На вече женщин не пускают, издалека твое пение слушала. Потом вижу, в собор зашел. Махом вышел, пошел к князю. Думала, тоже быстро выйдешь. А тебя нет и нет. Отошла ненадолго, вот опять жду. А тут эти уроды подошли, стали ласки требовать, позабавили.

Вот почему она мне не показалась, когда я с немецким купцом за причиндалами для операции ходил – отошла куда-то недалеко.

Рассказал ей, где пропадал.

– И ты живого человека резал, и кишки из него вынимал?

– Деваться было некуда, иначе помер бы паренек.

– Какой ты бесстрашный! Я бы враз сомлела.

Только я взялся гордиться своим невиданным бесстрашием, Забава ухватила меня нежными ручками и легко, как ребенка, закинула себе на плечи вместе с мешком. От такой от-

цовской ласки за последние пятьдесят лет успел отвыкнуть, и от общего бесстрашия ухватился за ее шею двумя руками.

Сидор, от жадности, все-таки не бросил, и он стукнул игруню-жену по груди.

– Давай мешочек, а то еще уронишь, – ласково попросила радость моей жизни. Выпустил из ослабевшей ручищи большой кошель с изрядным для себя облегчением, и уцепился покрепче.

Давно я такого страха не испытывал! Как бедные дети этого не боятся? Еще просятся на ручки!

На любителей ласки, которых хотел освидетельствовать на предмет наличия жизни, даже и не взглянул. Самому бы тут уцелеть! Забавушка перешла на ровный и очень быстрый бег. Прежние заботы меня окончательно покинули.

Глава 7

У калитки ставшего уже родным дома, толклись несколько баб под вдумчивым руководством Доброславы. В регистратуру она их на всякий случай не пускала – придет хозяин или не придет, будет льготное лечение или не будет – кто ж его знает. А тут следи за вами, нищевродками.

За свои мифические права боролась только одна богато одетая бабища с прислугой. Судя по имиджу – из очень зажиточных купчих.

– Мы тут деньги будем платить, а твой лекаришка шляется где-то! Наши мужья давно уж с вече вернулись, а этого где носит?

Доброслава уже любовалась, с открытым от изумления ртом, на подход кавалерии из-за бугра ей в помощь – меня верхом на Забаве. Разинули рты и остальные женщины.

Одна склочная купчиха опять стала орать.

– Да что же такое деется! Мужики уже нам на шеи сели, и поехали!

Конечно, когда вы на нас залезаете и злобно погоняете, это гораздо привычнее.

Жена по-прежнему легко ссадила меня на землю. Правда, пришлось небольшой мешочек весом килограммов на шестнадцать, пудовый – как сейчас бы назвали, поставить на землю, чтобы своего захудалого мужичка не зашибить ненароком.

– Так, заткнулась и пошла вон отсюда! Никто тебя здесь лечить за гроши не будет! – внятно высказался я крикунье.

Она, не ожидавшая отпора, просто опешила, и стала озираться в поисках поддержки. Помощью и не пахло.

Женщины просто всей кучей отошли в сторону, не желая участвовать в явно лишней для них разборке. Прислуга решительно исчезла. Возглавил побег отважный охранник, который отлично понимал, что для разборки с богатыркой нужно быть богатырем. А он им, видимо, не являлся.

Тогда купчиха решила воздействовать на поганца-ведуна авторитетом супруга.

– А ты знаешь, кто мой муж?

– Не знаю и знать не хочу! Но я сегодня провел много

времени с князем и его женой, и думаю, что даже за убийство какой-то из незначительных купеческих подстилок, с меня особенно и не взыщется, – самое большее, – незначительная вира.

– А наши бояре, что они скажут?

– Знатные люди у меня лечатся через день. А ты, поганка, ко мне больше не ходи, не приму ни за какие деньги!

Забава деловито спросила:

– Покалечить или сразу, без лишней возни, убить?

Купчиха взвизгнула, и унеслась вслед за прислугой.

– Этих шестерых приму после обеда, других в очередь не сажай, – обозначил я задачу Доброславе – завтра приема не будет, у меня дела. Женщинам сказал:

– Работаю для жен простого люда: ремесленников, грузчиков, матросов, ушкуйников. Денег за день работы с десятью бабами с этого имею, как другие ведуны с одного больного.

– А чего же бояре только к тебе ходят? – пискнула одна из пациенток.

– Ходят и к другим. Ко мне идут, если уж ведуны все трое не берутся, не осиливают.

Вздых изумления пронесся над клиентками. Пора пресекать глупые домыслы, что меньше всех берет самый худший. Это просто благодеяние с моей стороны – вот какую мысль надо внедрять в народ для подъема своего имиджа. Доброслава уже запускала женщин в приемник, а мы с женой, об-

нявшись, и покрепче ухватив кошель, подались обедать.

По дороге зашли к кирпичникам, показали и дали подержать пудовый мешок.

– Народ пожертвовал на строительство вами храма!

– И это все нам?

– Первые деньги мастерам по закладке фундамента. Дело слишком ответственное, чтобы нам самим браться. Также и крышу сами не осилим. Но монету новгородцы будут нести и дальше – думаю, на всех хватит.

– Мастер, как же это все у тебя так ловко получается?

– Теперь верите, что я вас гораздо старше и опытнее?

– Верим, верим!

– Сейчас мы поедим, а потом за вами Федор зайдет. Отказы не принимаются, всем быть!

Федя сегодня кормил нас и ел сам расстегаи с борщом. Потом пошла гречка, усиленной изрядной отбивной. Попутно рассказывал новости.

– Без меня в харчевню местные купцы стараются не ходить, забегают в основном приезжие, и то на один раз – очень дорого, а новый повар не блещет. Выручки сильно упали. Хозяин бесится на работников, орет, думает, что все из-за их нерадивости. Олега страшно донял. Тот хочет уволиться, работать стало невозможно. Поспрашивал по народу – никому пока нигде не нужен. Вдобавок, владелец на него грязь льет. Интересуется, может ты чем сможешь помочь, пристроишь его куда-нибудь?

Полового Олега я знал очень хорошо, всегда норовил сунуть ему и его детям побольше чаевых. Лучшего повара Новгорода Федора пристроить было легко – он кормил нас с женой и с собакой, а по ходу, и кирпичников, вкуснейшей едой (Забава готовила мерзко – не дал Господь кулинарных талантов красавице и силачке). После готовки наш кулинар закупал крупы, овощи, фрукты, грибы, соль, специи, мясо и рыбу. Постоянно чего-то солил, мариновал, квасил, сушил – делал запасы на зиму. А вот куда можно пристроить очень хорошего полового, ума не приложу. На всякий случай спросил у Федора:

– Тебе, часом, помощник не нужен?

Тот аж руками замахал от страха за свою получку, вдруг делиться заставят с прежним сослуживцем:

– Я сам, я все сам!

Ну, сам с усам, не будем нарушать в душе большого кулинарного таланта творческий процесс. Неохота дрянь жрать, избаловался от больших денег вконец. В общем надо с самим Олегом беседовать, а потом думать, к какому из моих многочисленных дел его можно пристроить.

После великолепного обеда Федор пошел за ребятами, а мы с женой отправились в спальню на послеобеденный отдых. Повалились на широченной кровати, поболтали о том, о сем.

– А мне ты не говорил о своем возрасте ничего. Почему скрывал?

– Боялся замуж за старика не пойдешь, тут же бросишь.

– Даже если тебе сто пятьдесят лет, на это не надейся, – всегда с тобой жить буду.

На всякий случай оглядел ее, как волхв. Оба-на! А спайки-то уже почти рассосались. Надо же, как быстро. Сказал об этом Забаве. Она даже затаила дыхание. Прерывающимся голосом спросила:

– И что, теперь у нас может быть ребенок?

– Очень может быть...

Поделиться впечатлениями от чародейского осмотра мне не удалось. Супруга, пользуясь своими преимущественными правами против других женщин и превосходством в физической силе, склонила меня к решительным ласкам в грубоватой форме и без всяческих прелюдий.

Вот это по-нашему, по-новгородски! А то только и думаешь, как помягче подойти, да не обидеть, и вовремя закончить... А тут: пришел, увидел, победил! Вени, види, вици! Не знаю, получатся ли дети, но с непривычки было совсем неплохо. Оказывается, есть свои прелести, когда тебя просто усиленно склоняют к близости.

Конечно, когда это делают с женщинами, это подло и жестоко, а вот когда это делает любимая женщина и со мной, тут есть свои прелести. Этак и хочется спросить: может позабавишься мной сегодня вечером? Этак привыкнешь, еще и просить будешь, объясняя все, как женщины – большой любовью, а на самом деле, скрывая свою извращенность.

Забава, потягиваясь сильным телом, подошла к окну. Полюбовавшись осенним двором, сказала расслабившемуся мужу:

– Наверное, тебе уже лечить пора. Прорвалась вон какая-то баба, через двор сюда ломится.

– Сейчас ее Марфа пугнет, – успокоил я женушку.

– Да рядом бежит, ластится твоя собачонка к чужой бабище!

Да, без присмотра ведунского пса Потапа, собака совсем нюх потеряла.

– А вот девица исчезла! Наверное, по двору подалась, воровать будет!

– Что-то ничего не могу там вспомнить ценного. Да и малоценного-то один кирпич.

– Вот за ним эта воровка и заявилась!

– Зашла бы и спросила. То количество, что она может утащить – три-четыре штуки самое большее, мы бы ей и так отдали, просто в подарок.

– Да я бы знаешь сколько ухватила!

– И эту бабешку вместе с лошадей и телегой в придачу. Только баб против тебя в Новгороде нету, да и мужиков негусто, если вообще есть богатыри.

Супруга поняла, что зарвалась, и мы захохотали в два голоса.

– А конюшня-то заперта?

– Конечно, на очень крепкий замок, который ты-то просто

бы вырвала вместе с проушинами. Посмеялись еще. – Либо обжигает вместе с ребятами кирпич, либо перепрыгнула через забор и уткла, кто ж ее знает.

Под эту интересную беседу оделись и уже пили чай на кухне, нажевывая сыр и бутерброды с копченой колбасой. Обоих прошиб неожиданный голод. И, сердцем чую, ночь тоже будет нелегкой... Неожиданно стукнула входная дверь.

– Наворовалась, видать, уже, – мрачно заметила Забава. Федор удивленно озирался, не понимая, о чем идет речь. Впрочем, девица сходу к нам зашла, и безошибочно выбрала собеседника.

– Пойдем, Владимир, поговорить надо.

Предмет беседы, вроде бы, был очевиден. Группа очередниц на лечение уже сидит в сарае, ждет приема. Других не возьмусь врачевать ни за какие коврижки ни сегодня, ни завтра.

Просьбы, основанные на том, что ей сегодня плохо, как никогда, не приму нипочем – наслушался за жизнь в избытке. Поэтому, чтобы, не тратить времени зря, сразу оповестил любимицу собак:

– Без очереди никого лечить не буду!

Прямо, как Шариков в «Собачьем сердце» великого писателя Михаила Булгакова: в очередь суки, в очередь! Девушка тут же уточнила, о чем будет беседа:

– Я никакой болезнью не мучаюсь, я о нашем походе пришла потолковать.

Оглядел ее с ног до головы, ожидая какой-нибудь женской хитрости. Действительно, на редкость здоровая девица! И от кого она могла узнать о моем походе черте куда? Знаем только четверо: волхв Добрыня, я, Забава, протоиерей Николай. Весь народ не болтлив, и до женского пола не охоч. Надо бы с этим вопросом разобраться.

– Ну что ж, пойдем, побеседуем.

И мы втроем отправились в гостевую комнату. Забава не решилась оставить свою драгоценность на поругание неизвестной подстилке, и вдвоем нас не оставила. Лучше эту сомнительную красотку сразу пришить за опасные речи и действия, чем потом разыскивать по всему Великому Новгороду с убежавшим за этой гадюкой легкомысленным, но очень любимым мужем.

Девушка была чудо, как хороша собой: невысокая, длинноволосая, черненькая, кареглазая, вылитая цыганка – в общем нелюбимый мною тип. Те, что близки моему сердцу, всегда светло-русые или вовсе блондинки, длинноногие, в глазах плещется зелено-голубой океан. Словом, уголок России...

У кареглазых, душа словно спрятана за печную заслонку, а у зеленоглазых все на виду, как у Забавы. Это, конечно чисто мои заскоки, но я, на нашу сегодняшнюю гостью, не польщусь нипочем.

Расселись, кто куда и повели неспешную беседу. Спросил, что она имеет в виду, произнося слово поход? Интересно бу-

дет послушать.

Деввица начала.

– Меня зовут Наина.

Сразу всплыл в памяти отрывок из «Руслана и Людмилы» незабвенного патриарха нашей поэзии Александра Сергеевича Пушкина: Ах витязь, то была Наина!

– Я колдунья и гадалка. Впрочем, мне особо гадать и не нужно – все во сне вижу. – Прямо Эдгар Кейси древнерусского разлива! – О тебе мне все известно. Откуда пришел, чем сейчас занят. Знаю, что большой камень, когда прилетит, большую часть людей изведет, в дикость народ впадать будет. Надо нам через месяц к Русскому морю идти.

– Кому это нам? – недовольно поинтересовался я.

Ну каждый норовит лезть не в свое дело, всячески мешаться! Наина, оказывается, считала предстоящее путешествие своим кровным делом.

– Нам – это мне, тебе, Ивану и ушкуйнику, с которым ты дружишь.

– А зачем вы все мне?

– А где ты будешь искать умную рыбу, которая больше тебя? Бегать по берегу и аукать? Там тысячи верст, глотку сорвешь!

Я задумался. Идея была всего одна – кудесник Добрыня чего-нибудь посоветует.

– Я заранее предскажу вам, где искать нужных для общения существ. А если каким-то чудом встретитесь, уверен,

что столкнешься не с немцем и не с собачкой какой-нибудь, а с неведомой рыбой? Мы думаем совершенно по-разному. Обычный перевод тут не пройдет.

Моя жена, убедившись, что семейной верности со стороны мелкой и явно вредоносной брюнетки ничего не угрожает, начала зевать, и ушла мечтать о будущих детках.

Я, в это время, вспоминал достижения ученых 21 века в расшифровке языка дельфинов. После записи их ультразвука, не слышимого человеческим ухом, и многократного прогона на компьютерах, достижения были более чем скромными, можно даже сказать, что ничтожными. Понимают несколько слов, могут истолковать два-три простейших предложения дельфиньего языка и это все, чего удалось добиться за десятки лет кропотливой работы.

Хотя сделали совершенно сомнительные выводы о преимуществе человеческого ума. Вообще возникает ощущение, что дельфины понимают нас гораздо лучше, чем мы их, и относятся к людям, как к младшим и немного бестолковым братьям, которых надо защищать от акул, подталкивать к берегу, когда они тонут, загонять в их сети рыбу.

А кто сказал, что я добьюсь большего за очень ограниченное время? Застрекочу с переходом на ультразвук? Боюсь, что даже для моего великолепного голоса, эта задача окажется совершенно непосильной.

Что же может предложить полезного смазливая колдунья? Чем порадует? Спросил в лоб.

– А ты чем хочешь взять? Надо ведь им объяснить, для чего мы тут мечемся по берегу моря.

– Я не толмачу, а чувствую чужую мысль и посылаю свою. Мне проще, чем вам, столкнуться с кем угодно.

– Растолкуй мне что-нибудь такое, чего я сроду не знал.

Она очень внимательно стала глядеть мне в глаза. Это длилось минуты две. Потом в моей голове негромко, постепенно усиливаясь, стала звучать молитва Макоши. Я про эту богиню и слышал-то мельком всего один раз – от Добрыни в нашу первую встречу.

Неуверенно спросил:

– И что это такое?

– Молитва Макоши, нашей главной матери.

– И богов то же?

– Перуна и Сварога нет. Из божеств помельче, она мать Доли и Недоли.

Об этих я имел довольно-таки смутные понятия. Говорили в прежней жизни люди частенько – такая ему выпала доля, а она бывает ох разная! Спросил Наину.

– Макошь прядет на всех нити судьбы – и для богов, и для людей, а как все сложится, зависит от того, чьи руки совьют клубок. Поработает Доля, – все у тебя получится, везде повезет, спутает нитки Недоля, – умаешься неудачи разгребать. А командует ими мать, без ее воли ничего и не делается. Поэтому главнее Макоши у нас никого и нету.

Да, во всех религиях мира обязательно присутствует жен-

ское начало – Астарта и Иштар, Деметра и прочие. Наша Богья Матерь отнюдь не исключение из правил.

Многие христиане считают, что сам Христос давно устранился от наших мелких дел и всем ведаёт Богоматерь, часто при этом являясь людям, и совершая очень нужные чудеса. А куда делся её сын Иешуа-Эммануил? Никаких его явлений за последнюю сотню лет я и не могу припомнить.

– Ну, делись уж до конца, какие ещё чудеса прячешь? А то вдруг какая переделка случится, всегда нужно знать, на что человек годен.

– Переделка обязательно случится – чёрный волхв давно уж тебя поджидает.

Я скептически хмыкнул.

– Добрыня что-то про это ничего не рассказывал.

– Он же ещё и не знает, пойдешь ты черте-куда от любимой жены или отмахнешься, положившись на русский авось. Кто ж вас, из такого далекого будущего, знает?

Стоп, стоп, стоп! Даже Забава не догадывается, откуда су-пруг взялся. Сказал из Костромы, и пока на этом все. Знают о невероятном моем попаданстве только ведун и волхв. Может Наина подослана недобрым колдуном? Опять вспомнился классик: Душою черной зло любя...

Лживым голосом начал было юлить:

– Да я всю жизнь здесь, только из другого города...

– Не ври мне! Сразу чую! Ты родишься почти через тысячу лет после нас. А сюда тебя закинула Макошь, потому что

с местным возни будет в десять раз больше.

– А чем же он хуже?

– Тем, что верит в глупые сказки, вбитые в него с детства, и разубедить его, ох как нелегко будет. Церковь ему много лет пела о том, какое прозрачное и вместе с тем очень твердое у нас небо – небесный свод. Какой тут, к лешему, камушек прошибет? Явные выдумки! А ты с детства знаешь правду, она тебе въелась в плоть и кровь.

И все у нас сильно верующие в Христа. Что-то страшное близится? Помолимся посильнее, господь неприятности и отведет. А уж если пожертвуем побольше денег на церковные нужды, ни о чем заботится и вовсе не надо будет. Это тебе не переться на край земли, договариваться черте с кем. Бог наша защита!

Опять же, на этот поход изрядные средства потребуются. Кормить, поить всех участников, платить за доставку и к морю, и через него, за ночевки – уже не лето будет, да мало ли что в дороге подождет. Где деньги взять? Ведун не даст, волхв сам гол, как сокол. А ты, поди, со своим невиданным опытом, уже придумал, откуда деньги добыть?

Я ей перечислил все свои занятия, уже дающие реальную прибыль: лечение людей, многообразные песни, многочисленные анекдоты, изготовление карет, пиление досок – денег должно бы хватить.

– А вот еще Ванюша какие-то камни из глины делает..., – мечтательно заметила кудесница.

Ишь, как ее на кирпич-то растащило! Объяснил, что тут еще прибýtка ждать рановато.

Потом чугунной своей башкой осознал, что не о камнях она мечтает! Понравился что ли молодец? Может из-за этого она его вместе с собой в этот анабазис прочит? Ванюша, понимаешь ли!

– Прорвемся если через черного волхва, другие такие же это прочувствуют и заявятся кучей нас убивать – продолжила колдунья. – Поэтому заранее и не идем.

Спросил Наину:

– А почему говорят – гол, как сокол? Птица, вроде справная, в перьях вся?

– Не птичка имеется в виду. Это так, бывает таран зовут, здоровенное бревно, которым ворота вражеских крепостей вышибают. Его топорами со всех сторон обтесывают, лишнего ничего нету. Совсем голая штука!

– А этим, черным колдунам, может просто объяснить, что мы для всех стараемся?

Девушка задорно рассмеялась.

– Они такого счастливого случая, чтобы власть опять взять в свои руки, не одну сотню лет ждали! Люди, после гибели Атлантиды, которую злые же и организовали, не очень давно очухались, только–только достойно жить начали.

– Погибнут же многие!

– Им на это наплевать. Черным кудесникам рабы нужны. Тысячей больше, сотней тысяч меньше, без разницы. Идите

оставшиеся, прячтесь в лесах и пещерах, это все равно. А ты тут про объяснения толкуешь...

– А почему им заранее не собраться?

– Все при деле: одни за лучшими белыми следят, чтобы они не пошли с рыбами толковать, а большая их часть группы вроде нашей караулят.

– А я думал, мы одни такие...

– Не сошлась еще клином на Новгороде земля Русская!

Кому-то, может, и повезет.

– Ты же знатно будущее, вроде как видишь? Вот и погляди, чем для нас дело кончится!

– Кто-то про это словно черной краской залил, не могу ничего увидеть. Особенно судьбы тех, кто в этот поход пойдет. Когда идти, какой дорогой, кому надо пойти – все вижу совершенно отчетливо, а вот кто из нас живым вернется, не скажу.

– А как же ты увидишь, где нас поджидают?

– Сейчас не знаю, а вот близко врага обязательно учую.

– Это хорошо, предупрежден – значит вооружен. Что еще умеешь? – поинтересовался я у колдуньи.

– Так-то у всей нашей оравы шансы довольно-таки жиденькие черного кудесника одолеть. Он нас махом перебьет. А вот если лишит его хоть части преимуществ: чего-то из колдовского умения, скорости наведения чар – глядишь и удастся нам его извести.

– Как же это сделать?

– У тебя защита от чужого влияния стоит?

– Добрыня поставил.

– Вот и давай ее проверим.

Я усмехнулся. Девчонку первый раз в жизни вижу, а волхв никогда не ошибался и лишнего не обещал.

– Сколько тебе с иностранцем говорить надо, для того, чтобы неизвестный язык начать понимать?

– Две-три фразы.

Она очень внятно произнесла:

– Исенмэсез! Ничек сезне исемем. Балалар бар?

Еще один язык пополнил мою коллекцию, решительно растолкав свежеизученные шведский и немецкий.

– Бар, бар, – лениво ответил я, – мальчик и девочка, уже большие. Но это все было в той, прежней жизни. А что за язык? – спросил из любопытства.

– Это болгарский. Переводи дальше.

Она немного подобралась, как-то насупилась. И полилась совершенно непонятная речь. Только к концу второй минуты услышал знакомое – мон мирян. Так у нас на работе звал меня водитель-мордвин. Ее победа была полной. Спросил у одолевшей мои способности девицы:

– Мордва?

– Мы их так зовем. Когда я к Хвалынскому морю по Волге плавала, толковала и с эрзей, и с мокшей. Эрзя, они вроде твоей жены – здоровенные блондинки с добрыми лицами, а мокшанки на меня смахивают – чернявые и мелко-

шустрые. Языки почти не отличаются. Народ доброжелательный, очень мирный. На соседей никогда ножи не точат. Воюют периодически только с русскими. В основном, отбиваются или отсиживаются в своих дремучих лесах. А наши князья, только и глядят – на кого бы напасть, если между собой не дерутся. Я связала твою способность толмачить магическим кругом. Сейчас разомкну, начнешь опять всех понимать. Думаю, и врагу не увернуться, не ждет он такой ловушки. Немного времени у вас будет. Долгой возни не ждите – враг махом в себя придет, и нашей ватаге конец. И мне не убежать – слабовата я против него.

– Ты его знаешь?

– Наши сильные матери знают, они все друг про друга ведают: черные про белых, белые про черных. Эта война с изначальных времен длится, никогда не останавливается.

Сейчас враги летящий камень ждут. Последствия от удара будут ужасны: очень долго солнца не увидим, резко похолодает, в массе мест горы вырастут и из них огонь бить будет, землю будет трясти много раз. Многие сразу погибнут, многие потом, когда жрать станет нечего. Громадные волны пройдут по всей суше. Мы, на всякий случай, два ковчега строим с припасами.

Матери с нами в поход пойти не могут, твой Добрыня тоже – о них черные все знают, а вот мелочь, вроде нас, можно и послать. А идти или не идти, это уж наше дело. Ты не испугаешься? – спросила она меня.

– И что? Обгажусь с перепугу, да дальше пойду!

Посмеялись. Ее ход мыслей от моего, видимо не сильно отличался. Крепко пожали друг другу руки, и она вернулась привораживать Ивана, а я подался за первой пациенткой.

Оба были довольны первым раундом переговоров. Не посрамим Русь и Великий Новгород! Не дадим врагам этого шанса!

Глава 8

Дальше все пошло своим чередом. Утром, прихватив с собой для усиления Ивана, отправился в Софийский собор. Протоиерей уже посадил на входе пономаря рядом со здоровенным ларем для денег.

Оценив размеры ящика, я поразился размаху потребностей русской православной церкви. Если это неизбежное вместилище полностью заполнить серебром – на три церкви хватит.

Николай был у себя, что-то рисовал на бересте. Тепло со мной поздоровался, небрежно кивнул Ване. Я начал:

– Пора делать рисунок будущей церкви, и показывать нам место ее постройки. Появились деньги, можно хоть сегодня начинать.

– Рисунок? Это можно! – И он протянул нам бересту со своей графикой.

Мы жадно ее схватили торопливыми лапищами. Рисовал протоиерей неплохо: однокупольный храм, три окна, две двери – большая и скромная, для священнослужителей. Ря-

дом было изображение в горизонтальном сечении. Три стены ровные, одна изогнутая полукругом. М-да, замысловато это класть будет.

Пригляделся к картинке. Ну, не все так горестно, как показалось вначале. Углы, самая несущая часть, нарисованы обычно, изгиб начинался потом.

Николай начал давать пояснения. Потыкал указательным пальцем в каменный прогиб.

– Это алтарная часть, где царские врата и престол. Должен быть обращен на восток.

– А если ошибемся? – спросил я из глупого озорства.

Протоиерей аж замахал руками.

– И думать не моги! Епископ нас сожрет вместе с потрохами!

Ну вот, только-только от коркодила избавились, новая напасть объявилась. Ой, боюсь, боюсь... Николай вернулся к делу.

– Не забудьте место под печь оставить.

Надо было бы подать идею громоотвода, но думаю провозглашение анафемы после этого будет для меня самым безобидным видом божьей кары. А уж мысль о дальнейших церковных подрядах можно будет просто отбросить.

Так и видятся прихожанки, беседующие на эту тему.

– Отступник то этот, знаешь чего учудил?

– И что же?

– Нагородить в православном храме нечестивых железок!

А святые отцы все всякой мрази с рук спускают! Сразу на кол надо было сажать этого нечестивца, а не объявлять ему анафемы всякие!

– Точно, точно...

Тьфу! После излишеств всяких нехороших (Забава соблазнила ими еще три раза заняться ночью), всякая дрянь в голову так и лезет! А тут работать надо, дело делать, а не выдумкам глупым предаваться.

Я за нашу веру и святую церковь грудью встану! Никогда не забуду, как после посещения краеведческого музея в Костроме, узнал, что число храмов до Октябрьской революции на малой родине было 1147, а сейчас, в 1970 году, их в городе осталось всего три, и был потрясен тем, как большевики обобрали мой народ, лишив его святынь. Я могу пошутить над священнослужителями, или осудить кого-то из них, за неверные с моей точки зрения поступки, но это не значит, что можно пойти против святого и веры. А уж тут, в Новгороде, увидев тянущийся с небес свет к Богдану, а потом к его ученику Николаю, лучшим из лучших, которым я и в подметки не гожусь, уверился в своей правоте.

Протоиерей вновь привлек мое внимание вопросом о том, как будет фундамент закладываться.

– Мастера пусть делают. У нас и навыка-то нет. А основание не так сделаешь, строение рухнет, не взирая на то, как хорошо стены выложены. Я все оплачу.

Святой отец ответом остался доволен, и мы пошли осмат-

ривать будущую стройплощадку. Вышли на край Новгорода. Николай объяснил, что это будет обычная приходская церквушка, а не кафедральный собор, и особо размахиваться с размерами нечего и незачем.

– Главное, все сделать очень качественно! – тут он строго поглядел на меня. – И алтарь, главное, должен глядеть на восток!

Отче, отче, а компасы опять не роздали, гнусил во мне подлейший голосишко. Хватило ума не озвучивать свои глупые шутки. Епископ Герман шутить не будет! Сожрет, как пить дать сожрет. Посчитали будущие размеры в саженьях, и разошлись.

Я прошел к Фролу. Торговля досками на Торговой стороне процветала. Чего же у Лешки-то какие-то проблемы? Сегодня же съезжу на обе лесопилки на речке Вечерке, разузнаю, в чем дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.